



В. Гончаров В. Точинов
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Медиаана Санкт-Петербург

Новая инквизиция

Виктор Точинов

Корабль-призрак

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Корабль-призрак / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Новая инквизиция)

С давних времен люди встречают в океане загадочные корабли-призраки. Таинственные посланцы иных миров появляются из ниоткуда и исчезают в никуда. Агенты Новой Инквизиции – Лесник и Диана – идут по кровавому следу, ведущему из разгромленного логова секты, практиковавшей самые чудовищные ритуалы. След приводит на борт корабля, за века ставшего ужасом и проклятием Северного моря. Здесь, среди мертвого дерева, мертвого железа и мертвых людей разворачивается последняя схватка – ставкой в которой прошлое, настоящее и будущее нашей цивилизации.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Дела минувших дней – I	5
Часть первая	9
Глава первая. Как совершаются подвиги	9
1.	9
2.	10
3.	11
4.	12
5.	12
Глава вторая. Наши танки в пустыне Невада	14
1.	14
2.	14
3.	15
4.	16
Глава третья. Нелегкая жизнь нелегалов	18
1.	18
2.	19
3.	20
4.	21
5.	23
6.	24
7.	26
Дела минувших дней – II	27
Глава четвертая. Аристократы, призраки и Летучие Голландцы	33
1.	33
2.	34
3.	37
4.	38
5.	38
6.	40
Глава пятая. Святой Брендан – человек и госпиталь	42
1.	42
2.	43
3.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Точинов, Владислав Романцев

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

(Новая Инквизиция – 4)

ПРОЛОГ

Дела минувших дней – I

Северное море, осень 1427 года

Не нравится мне море, – без обиняков заявил шкипер Майзерн. И, вопреки обыкновению, не добавил заковыристое ругательство, из чего следовало – дело и впрямь серьезно.

Питер Штауфманн, вышедший вместе с племянником подышать перед сном свежим морским воздухом, недоуменно поднял брови.

– Не понимаю, герр Майзерн, что вам не нравится? По-моему, от самого устья Везера мы не видели столь спокойной воды.

Племянник Генрих согласно кивнул. Юноша впервые вышел в море, лишь на шестой день плавания стал помаленьку привыкать к качке, и нынешнее состояние водной поверхности его более чем устраивало.

– То-то и оно, – вздохнул шкипер. – К вечеру ветер крепчал, и волна должна быть сейчас неплохая. А тут... Вода словно маслом полита. И туман... Никак не может появиться в такую погоду туман, уж поверьте, герр Питер, моему опыту.

С погодой и в самом деле творилось нечто странное. Ветер, свистевший в снастях и надувавший паруса «Святой Бригитты», – на палубе едва ощущался. И, похоже, ни дуновения не доходило до поверхности воды, затянутой густой, но невысокой – локтя три-четыре – туманной пеленой.

– Не думаю, что есть серьезные основания для беспокойства, – сказал Штауфманн. – «Бригитта» – судно доброй постройки, и за пять лет доказала, что способна выйти невредимой из любого шторма. Впрочем, конечно же, отдайте приказ своим людям принять все меры на случай неожиданного шквала. На море осторожность излишней не бывает.

Шкипер медлил. Казалось, ему хочется добавить что-то еще, но старик не решается.

– Дело не только в шквале, – сказал он наконец. – Дело в том... В общем, сейчас мы идем очень *нехорошими* местами. Именно здесь был в свое время схвачен Клаус фон Алкум.

– Потрошитель Чаш? – переспросил племянник. В голосе его явственно прозвучало восхищение.

– Он самый, – мрачно кивнул шкипер.

Питер Штауфманн нахмурился – не от слов шкипера, но от реакции на них Генриха. Так вот и бывает в жизни... Прошло без малого двадцать лет после казни злодея, не щадившего ни старого, ни малого, не брезговавшего даже грабить храмы и святые места – чем и заслужившего своё прозвище. И творимые Клаусом мерзости потихоньку забываются – люди вспоминают лишь о том, как пират дерзкими рейдами доставлял продовольствие в осажденный голодающий Копенгаген, да как швырял направо и налево золото в пьяных своих кутежах... А потом найдется дурак-сочинитель, сделает Потрошителя Чаш героем своей душещипательной поэмы или баллады – и готов образ благороднейшего заступника обездоленных. Таким и останется в

народной памяти. А про людей, живших в те же времена и зарабатывавших на хлеб честным трудом, – никто и не вспомнит...

И голос почтенного гамбургского арматора поневоле прозвучал несколько неприязненно, когда он ответил на реплику шкипера:

– Стоит ли бояться мертвых пиратов, герр Майзерн? А от живых Немецкое море, да и Балтийское, слава Господу, очистили. Клаус был последним из промышлявших регулярным разбоем. Прошли времена, когда кишевшие в здешних водах витальеры смогли даже выбить Орден с Готланда и основать свою «республику»...

– Так оно так, – гнул свое шкипер, – но поговаривают...

Он сделал паузу и неожиданно сменил тему:

– Вы знаете подробности казни фон Алкума?

Питер Штауфманн утвердительно кивнул. Еще бы не знать...

Тут в разговор, к неудовольствию дяди, вступил Генрих.

– Расскажите, сделайте любезность, герр Майзерн!

Вот-вот... Романтики сопляку захотелось. Ишь, глаза как загорелись...

– Гамбургский магистрат приговорил Клауса к усекновению головы, – начал рассказ шкипер. – Лишь его – остальные захваченные пираты должны были закончить жизнь на виселице, как люди низкого происхождения. Как сейчас помню: солнечный, погожий денек, длинный помост на площади перед собором, каждому казнимому – своя виселица. А по центру – плаха для Клауса. Казнить атамана должны были последним, на закуску. Но странное у него оказалось предсмертное желание... Не попросил, как обычно бывает, кружку вина покрепче, нет... Предложил магистрату сделку: казнить его первым, и если он – уже с отрубленной головой – пройдет вдоль помоста, сотоварищей его, значит, отпустить.

Штауфманн вновь неприязненно поморщился. Вот и еще один штрих к портрету благородного разбойника, жизнь кладущего задруги своя... Меж тем доподлинно известно: Клаус фон Алкум хищничал на морях почти треть века, самых молодых и красивых пленниц без затей превращал в своих наложниц – и к концу карьеры чуть не половина экипажа состояла из его собственных отродий...

– Магистрат согласился? – быстро спросил Генрих.

– Согласился... Не знаю уж, может Клаус подкупил их обещанием выдать какой-то из своих кладов – много слухов про те клады ходило. Или решили народ лишним зрелищем порадовать... Но глашатай объявил во всеуслышание: мимо скольких виселиц атаман без головы прошагает, столько, значит, осужденных и помилуют. Ох, что тут началось... Народ спорит, ставки делает. Я и сам, помню, три талера поставил – на то, что даже с колен не поднимется. Видел, конечно, как курицы обезглавленные по двору мечутся, но чтоб человек... Не бывает. Но он встал! И пошел!! Представьте, герр Генрих: из шеи струя кровавая хлещет, чуть не на локоть в вышину – а он идет!!! Медленно так, грузно, словно смертельно уставший... Дурно мне сделалось, про три талера позабыл даже. Мимо восьми виселиц отшагал, потом споткнулся, упал. И снова на колени встать попытался – кровь уже еле-еле текла... Да не вышло по второму разу, поворочался и затих. Поневоле поверишь, что продал-таки старый Клаус душу дьяволу – недаром столько лет никто его изловить не мог... Невозможно без сатанинской помощи для человека такое...

– Советники выполнили обещанное? – спросил Генрих, жадно слушавший рассказ старого моряка.

– Не знаю уж... Но восемь виселиц в тот день пустыми остались. Уверен, что потом казнили их потихоньку, где-нибудь в застенке. Слово словом, но как моряк вам скажу: отпускать таких людей совсем не с руки... А половина магистрата – арматоры, судовладельцы. Кто же из них сельдевую акулу в собственный рыбный пруд запустит?

– Магистрат вольного города Гамбурга всегда держит слово! – веско заявил Питер Штауфманн. – Им обещали сохранить жизнь, но не обещали вернуть свободу. Все умерли своей смертью, но к пиратскому промыслу ни один из них не вернулся.

Он впервые с начала разговора улыбнулся, вспомнив, как именно умирали помилованные пираты: сидели, скрючившись, в бочках из-под сельди с круглыми отверстиями, прорубленными в донцах для шей. Бесконечно долгие месяцы заживо гнили в собственных нечистотах...

– А в народе ходит слух, что Клаус счел слово нарушенным... – медленно проговорил шкипер. – И именно здесь всплывает время от времени со дна его обросший тиной и ракушками корабль – с мертвым экипажем и безголовым капитаном. Всплывает как раз в таком вот тумане. Мертвецы останавливают плывущие мимо суда – ищут, нет ли на них советников Гамбургского магистрата.

Старый моряк посмотрел на судовладельца более чем выразительно. Штауфманн сплюнул за борт и сказал неприязненно-официальным тоном:

– Вернитесь к своим обязанностям, герр Майзерн! Хватит рассказывать глупые страшные сказки. К тому же, да будет вам известно, я был избран в магистрат спустя четыре года после казни Клауса – и ко мне ваша история никакого отношения иметь не может. Ступайте!

Шкипер ушел. Герр Питер вновь сплюнул за борт – плевок бесследно канул в молочно-белых клубах тумана, пелена его стала заметно выше, медленно подползая к фальшборту. Качка исчезла совершенно.

Рассказанная старым морским волком история оставила неприятный осадок у арматора. Генрих, напротив, пребывал в каком-то радостном возбуждении.

«Балладу, небось, уже сочиняет, виршеплет», – подумал дядя. Только этому и научился за три года в Нюрнберге, да еще истреблять несметные количества пива в компании таких же студентов-шалобаев. Послал же Господь покойной сестре непутевого сыночка... Одна надежда – жизнь в суровой Московии проветрит парню голову. Герр Питер даст соответствующие указания старому Мильке – главе представительства торгового дома «Штауфманн и компаньоны» в Нойбурге (арматор не желал ломать язык, именуя по-московитски «Новгородом» древний, еще викингскими основанный Хольмгард). Мильке давно просится на родину, хочет закончить свои дни не в дикой варварской стране, но в уютной Германии, – вот пусть и постарается, подготавливает себе за год или два достойную замену из этого разгильдяя...

Из размышлений о судьбе непутевого племянника герра Питера вывело лицо пресловутого родственника – внезапно изменившиеся, побледневшее.

– Что с тобой, Ганс?

Губы племянника шевелились, но ни звука не раздавалось. Затем парень ткнул рукой в сторону моря, куда-то за спину арматору.

Оборачиваясь, Штауфманн услышал вопль одного из матросов – истошный и нечленораздельный. А мгновением спустя сам едва удержался от крика.

У самого левого борта в густеющих сумерках громоздился – в полном смысле громоздился – корабль, появившийся словно бы ниоткуда. Если и впрямь его флагшток украшал вымпел фон Алкума – то надо признать, что Сатана достойно наградил своего ставленника, отдав ему под команду новый, воистину чудовищный корабль, построенный на адской верфи...

Острый, как топор, скошенный форштевень врезал воду, поднимая высокий бурун. Времени разглядеть чудовище не было – герр Штауфманн успел отметить только высокий, как у каракки, борт – абсолютно гладкий, без следа стыков между досками обшивки. Казалось, что творение адских корабелов целиком *отлито* из металла... Мачт и парусов видно не было – вместо них на палубе огромного судна громоздились странного вида шатры и башни, более всего похожие на храмы нечестивых сарацинов, какие почтенному арматору довелось лицезреть во время плаваний в Магриб.

Все это промелькнуло в течении нескольких секунд – столько, сколько потребовалось чудовищному порождению Ада, чтобы преодолеть расстояние между ним и «Святой Бригиттой». А затем мчащийся с невероятной скоростью корабль слегка, едва заметно изменил курс...

* * *

Торговый когг «Святая Бригитта» не прибыл в Новгород. И не возвратился ни в Бремен, ни в Гамбург, ни в Любек... И вообще никуда не возвратился.

Часть первая НА СУШЕ И НА МОРЕ

Я думаю, эти суда кто-то ЗАБИРАЕТ. Не знаю, кто, не знаю, почему, не знаю, что с ними делают. Но только в этом есть какой-то смысл... Конечно, их в последнее время пропадает больше, потому что и судов вокруг больше. Но эти суда исчезают в пропорции от общего количества, в одном небольшом районе, без следа, без малейшей возможности объяснить их исчезновение, начиная с тех пор, когда вообще люди начали регистрировать подобные происшествия. То, что там происходит, длится уже по меньшей мере восемьдесят лет.

Питер БЕНЧЛИ, «Остров»

Глава первая. Как совершаются подвиги

1.

– Если они все-таки рискнут перебраться в мечеть, то наверняка пойдут по верхнему переходу, – уверенно заявил муфтий.

Лесник сразу понял, в чем причина, но генерал-майор Пилипенко явно не разобрался в тонкостях мусульманской этики.

– Чего это ради? – спросил он не слишком приязненно, обозревая в бинокль двухъярусный надземный переход, связывающий медресе с кафедральной мечетью. – Разницы никакой, что так, что этак снайперам на прицел попадут.

Действительно, сплошь застекленные стены перехода делали весьма рискованной любую попытку пересечь тридцатиметровые коридоры – как нижний, так и верхний.

– Есть вещи, который любой мусульманин выпитывает с детства, с молоком матери, – терпеливо пояснил муфтий. – Нижний переход – для женщин, и только для них. Извините за грубое сравнение, Павел Владимирович, – но вы бы воспользовались женским туалетом, если рядом есть мужской? Даже когда никто не видит?

Генерал не стал объяснять, какие именно отхожие места он предпочитает использовать вдали от сторонних глаз. Лишь пробормотал себе под нос:

– Может, они как раз и попытаются, где никто не ждет...

Но пока окруженные «барсы» никаких попыток прорыва не предпринимали – ни в мечеть, ни куда-либо в сторону. Коротко ответили по рации: дескать, передумали, не желают слушать увещаний духовного главы здешних мусульман. И вновь замолчали. Чуть раньше поворот от ворот получил представитель президента в федеральном округе – тот, впрочем, внутри медресе не собирался, намереваясь все переговоры вести с безопасной дистанции.

Тянут время, ждут темноты?

Возможно... Хотя должны бы понимать – с каждым часом кольцо окружения становится все глубже и плотнее. А ночь, подсвеченная десятками мощнейших прожекторов, ничем не лучше дня в видах маскировки...

Надеются на какой-то потайной отнорок? Вполне вероятно. Строительство и новой кафедральной мечети, и медресе вел как раз «Барс-аль-ислами», – при помощи вполне легальных подставных фирм, разумеется. Долго ли было прокопать потайной ход? Никто и не заметит, мало ли траншей роют вокруг строительства. Конечно, все близлежащие подземные ком-

муникации блокированы, но... Но стоит ожидать, что «барсы» изобрели что-либо похитрее, чем самый очевидный путь, и проложили туннель отнюдь не к ближайшему канализационному коллектору...

К тому же Лесник питал самые черные подозрения касательно того, *зачем* исламисты тянут время. Судя по рассказу мальчишки, чудом вырвавшегося из укрытого под медресе бункера, подготовка к древнему мрачному ритуалу завершалась. К ритуалу, весьма заинтересовавшему Новую Инквизицию.

Генерал ничего не знал про подземное гнездо «барсов». И не должен был узнать.

2.

– Возможно, мне стоит еще раз поговорить с ними по рации? – предложил муфтий.

– Незачем, – отрезал генерал-майор. – Не отзываются на вызовы, подлецы... Отправляйтесь-ка к себе, Ибрагим Русланович, да начинайте готовить подробный рассказ о взаимоотношениях муфтията с «Барсом»... Потому как вопросов к вам встанет множество. А мы уж тут сами как-нибудь управимся.

Муфтий холодно распрощался и отправился к своей машине.

– Зря вы так с ним... – негромко сказал Лесник.

Полковничьи погоны (которые, впрочем, пришлось снять с камуфляжа) и бумага от Совета Национальной Безопасности (вроде даже настоящая) позволяли общаться с генералом подобным образом.

– Не зря... – уверенно сказал Пилипенко. – Очень даже не зря. Подумаешь, муфтий... Да хоть сам шейх-уль-ислам! Бандиты осиное гнездо свили у него под носом, а он невинной овечкой прикидывается. Ни сном, мол, ни духом...

Лесник понял, что спорить бесполезно. Генерал-майор явно относился к породе людей, четко усвоивших тезис: «Ислам – питомник терроризма!» Нет смысла доказывать, что зеленое знамя – лишь фиговый листочек для отморожков, нарушающих все законы шариата. Маска, за которой скрывается волчий оскал, – а у волков нет ни национальностей, ни религий...

Но генерал слишком не в духе, чтобы выслушивать такие рассуждения. Раздражает его поведение террористов – не требуют освободить боевиков, сидящих в российских тюрьмах, не заикаются о миллионах долларов выкупа и о заправленном самолете... Сидят себе под землей и встречают автоматным огнем всякого, кто пытается приблизиться к медресе.

Пилипенко давно бы отдал приказ о штурме, благо заложников внутри не так уж много – полтора десятка учащихся медресе да пара преподавателей. Плюс мальчишки в подземных камерах, но о тех мало кто знает, давно числятся пропавшими без вести...

Но из Москвы получен категоричный приказ – до последней крайности не прибегать к силовым действиям. Дело тонкое, политическое: любой взрыв на территории главной мечети республики, даже любой выстрел в ее сторону отзовутся эхом во всем мусульманском мире. В общем, работать в белых перчатках...

– Надо штурмовать, товарищ генерал-майор, – сказал Лесник. – Неожиданно, днем. Сейчас.

– Это официальное мнение Совбеза? – поинтересовался генерал. – Тогда, товарищ полковник, предоставьте его в письменном виде, по всей форме. Но пока операцией командую я, – с оружием в сторону мечети и медресе никто не пойдет. До тех пор, пока не будет получен приказ оттуда, – генеральский палец указал прямоком на зенит небесного свода.

– А мы без оружия... Передайте террористам по рации: так мол, и так, к вам для переговоров отправляются двое невооруженных представителей Совета Безопасности.

– За дурака держишь, полковник? У них же рация отключена.

– Но вы передайте, да под камерами, пусть всё для истории зафиксируют. Мы и в самом деле открыто пойдём, к главному входу. Без всякого подвоха, без пулеметов под полой.

Пилипенко внимательно и демонстративно – с ног до головы – оглядел Лесника. Покачал головой. Столь же внимательно не меньше минуты рассматривал Диану – та в начальственные разговоры не вмешивалась, сидела поодаль на травке, прислонившись спиной к колесу БТРа. И, похоже, самым преспокойным образом спала.

– Голливуд решил устроить... – вздохнул генерал-майор. – Вроде и не салага уже, виски вон седые. Ладно бы сам волку в пасть полез, а девчонку-то зачем губить? Чтоб тебе, если вдруг фарт выпадет, звезду Героя России на грудь прицепили?

– Не видали вы эту девчонку в деле.

– Всяких видывал... Ладно, идите. Держи вот, – генерал вынул из кармана носовой платок: чистенький, аккуратно сложенный, яркой сине-красной расцветки. Сунул Леснику. – Если вдруг дело выгорит – помаши из дверей. Именно этой тряпкой, никакой другой. Через полминуты орлы Закутного будут внутри.

Лесник изумился неожиданной уступчивости. Он-то думал, что придется еще долго уговаривать, ссылаться на Совбез, подписывать какую-нибудь бумагу, снимающую ответственность с Пилипенко...

– Просыпайся, Ди, – сказал Лесник почти беззвучно, так, чтобы не слышал никто из окружающих. – Забыла, что сейчас у нас по распорядку дня – подвиг?

– А я не спала, – Диана открыла глаза и откликнулась столь же тихо. – Послушала вашу милую беседу. Ну и *поработала* немного. Думаешь, отчего генерал так легко согласился?

– Па-а-а-анятно.

И они пошли совершать подвиг.

3.

«Избалуюсь я с ней, – думал Лесник, медленно шагая через площадь. – Избалуюсь и когда-нибудь словлю пулю – позабыв, что рядом нет способной отводить глаза напарницы...»

И, во избежание столь незавидной судьбы, старался не расслабляться. Мало ли что... Конечно, при помощи биноклей и им подобные устройств сейчас можно разглядеть то же, что и невооруженным глазом: совершенно пустую площадь. Но есть оптика хитрая, электронно-цифровая, – ей глаза не отведешь... И встречаются индивиды, овладевшие методикой фасеточной аккомодации, способные видеть людей, скрытых от взглядов прочих смертных.

Он шел, напряженно вслушиваясь, пытаясь уловить хоть какой-то звук, свидетельствующий, что сейчас начнется пальба. Привычно отсекал, отфильтровывал посторонние звуки: шум собственного дыхания и сердца, шум автомобильных моторов, доносящийся из-за внешнего кольца оцепления...

Ничего... Тишина.

Никто из террористов не оповещал приглушенным голосом свое начальство о неожиданных визитерах. Никто не передергивал затвор автомата.

Сто метров до входа, девяносто, восемьдесят...

Вплотную подходить нельзя. Боевики, *державшие* дверь, все равно не увидят агентов, Диана отводит глаза надежно. Но наверняка почувствуют неясную тревогу, возникнет смутное ощущение: что-то не в порядке... И вполне могут выпустить длинную очередь по площади – неприцельно, в никуда, для собственного успокоения. С подобной реакцией вооруженных и нервничающих людей на активное психосуггестивное воздействие Леснику сталкиваться доводилось.

– Подходим на пять метров и начинаем, – сказал он еле слышно.

Диана кивнула.

4.

Повезло – вход в подземное убежище искать не пришлось. Часть покрытой изразцами стены неслышно повернулась. Из темного прохода в медресе шагнули четверо в камуфляже и с автоматами. Не иначе как смена караула у дверей...

Привычными, чуть ли не синхронными движениями сняли приборы ночного видения, и... И больше ничего сделать не успели. Даже не успели разглядеть четверых своих товарищей, обмякших у входа – Лесник, так и не подавший условный знак сине-красным платком, рванул с высокого старта.

Автоматный ствол поворачивался к нему медленно-медленно, но так и не разразился очередью – стрелок лишь начал рефлекторно реагировать на нечто смутное, мелькнувшее на периферии сектора обзора.

Удар, удар, третий не потребовался, у Дианы осечек не бывает, – тела рушатся на пол. Да, ребята, с вашими рефлексам лучше в террористы не ходить, а заняться чем-нибудь спокойным, медитативным и созерцательным...

Он подхватил с пола автомат, решив, что на подземелье святость здешнего места не распространяется. Диана уже скользнула в темноту. Лесник за ней, в начале ведущего наклонно вниз коридора задержался, не хватало еще оказаться запертыми в мышеловке... Что это у вас тут за коробочка на стене, лишь с двумя большими кнопками, красной и черной? Черная вдавлена, значит... Догадка подтвердилась не сразу – несколько секунд ничего не происходило, затем часть стены вновь повернулась вокруг своей оси, перекрыв проход.

Отлично, можно начинать...

Голливудского боевика – со штурмом лабиринта, кишашего вооруженными до зубов и агрессивными врагами – не получилось. Для «барсов» начавшаяся на рассвете осада медресе явно стала неприятной неожиданностью, и к обороне они толком готовы не были. Восемь боевиков, оставшихся наверху, – вот почти и вся охрана. Почти – потому что двоих вооруженных мужчин в униформе Лесник и Диана в подземелье встретили-таки. Невеликая сила против тандема из особого и полевого агентов Новой Инквизиции...

Еще внизу оказались трое или четверо людей в гражданском и без оружия. И вот тогда-то пресловутый тандем допустил первую за сегодня осечку. Потому что один из штатских успел включить систему самоликвидации.

Голливудские штампы опять негодились: не мелькали цифры в зловещем обратном отсчете, показывая, сколько времени остается у положительных героев на предотвращение взрыва. Все сработало мгновенно, но не взорвалось, – во всех расположенных вдоль подземного коридора помещениях разом вспыхнули термитно-фосфорные заряды.

5.

Дикий крик ударил по ушам. Дверь распахнулась, в коридор буквально выкатился человек – вернее, отдаленно похожее на человека пылающее *нечто*.

Лесник не обратил ни малейшего внимания на сгорающего заживо. Рывкнул Диане:

– Мальчишки!! – И махнул рукой вдоль по коридору.

Диана рванула туда. Лесник – в ближайшую дверь. Жар ударил в лицо от входа. Лабораторные столы заставлены приборами – и охвачены пламенем. Густой дым, вонь горячей пластмассы. Обжигая руки, он ухватил штуковину непонятного назначения, вновь выскочил в коридор. Горящий человек на полу уже не шевелился, превратившись в горящий труп.

Вторая дверь оказалась заперта, Лесник приставил автоматный ствол к замку – способ дурацкий, киношный, – легче легкого схлопотать в лоб рикошетом, но выбирать не из чего...

Замок поддался на удивление легко, и секундой позже стало ясно, отчего, – изнутри дверь успела выгореть. Сплошная стена пламени, внутрь не сунуться.

Коридор быстро затягивался удушливым дымом, хорошо хоть термозарядов здесь не заложили... Но что там у Дианы? Лесник ожидал, что в любую секунду могут раздаться вопли сгорающих заживо мальчишек. Однако слышал лишь звуки пожара...

Диана вынырнула из дымной пелены неожиданно. Прохрипела:

– Никого, пустая камера! Успели вывезти, гады. Лишь прихватила пару сувениров на память...

Под мышкой напарница держала компьютерный системный блок, в руке – сверток из слегка обгоревшей ткани.

– Уходим, пока не изжарились! – Лесник подхватил с пола свой трофей, непонятный прибор – металлический ящик с рядами индикаторных окошек и сенсорной панелью управления.

Наверху, возле закрытого выхода, было чуть менее жарко и дымно. Но лишь чуть... Манипуляции с кнопками результата не принесли – похоже, пультовая тоже полыхнула, оставив двигатели без питания. И вращающийся бетонный монолит ни в какую не желал сдвигаться с места.

Огонь сюда не доберется, понял Лесник, – гореть в коридоре нечему. Но дым ничем не лучше: по статистике, именно от него, не от пламени, чаще всего гибнут жертвы пожаров.

– Видела там люк! – показала Диана на приближающиеся клубы. – Вроде без замка... Есть шанс, что запасной ход. Минут на пять дыхание задержать сможешь?

Лесник кивнул.

Глава вторая. Наши танки в пустыне Невада

1.

Присесть им Юзеф не предложил – признак не самый обнадеживающий. Но и обер-инквизитор не остался в своем громадном, на заказ сделанном кресле: встал, медленно расхаживал по кабинету, высказывая свое мнение о результатах работы полевого агента Лесника и особого агента Дианы. Мнение оказалось нелицеприятным.

– Операцию вы провалили. Не надо оправданий, я и сам прекрасно могу изложить их вместо вас: лишь пять часов на подготовку, отсутствие местной резидентуры и креатур среди силовиков, и прочая, и прочая... Но если отбросить причины и рассматривать лишь следствия, то ФСБ получила восемь теплых трупов и сейчас возится с их идентификацией. Нам же достались головешки в выгоревшей дотла норе и совершенно неопознаваемые останки. Главные фигуранты дела гуляют неизвестно где, а два благоухающих канализацией агента сидят в моем кабинете и пытаются доказать, что большего сделать не могли...

Юзеф выдержал долгую-долгую паузу. Подошел к окну, искоса поглядывая на агентов.

«Все-таки ждет оправданий, – понял Лесник. – Ждет, когда мы помянем про спасенный загадочный прибор и про чертов компьютер – вот уж было удовольствие тащить его несколько километров по канализационным коллекторам...»

Начальство ждало оправданий. Агенты упрямо молчали. Наконец Лесник мысленно сплюнул – раньше начнем, раньше закончим – и произнес ожидаемую Юзефом фразу:

– Не только головешки... На диске компьютера нашлось что-нибудь интересное?

– Масса интересного, – обер-инквизитор улыбнулся широко и недобро. – Мне выборочно распечатали, можешь ознакомиться, пока я в бумагорезку не отправил.

Он резко выдвинул ящик стола, извлек и шлепнул на полированную поверхность преогромнейшую кучу документов. Две или три бумажки соскользнули, закружились к полу.

– Смотрите, смотрите... – настаивал Юзеф. – Просвещайтесь.

Посмотрели. На первый взгляд, самая обычная коммерческая документация: договора и накладные, счета-фактуры и платежные поручения, акты приемки-передачи и прочая бухгалтерская макулатура. Насколько смог понять Лесник при беглом осмотре – всё связано с грузоперевозками. Возможно, при кропотливом анализе тут могло бы обнаружиться что-либо любопытное. Но судя по издевательскому тону обер-инквизитора – не обнаружилось. Стоило-таки утопить компьютер в канализации.

– Документация одной из дочерних фирм «Барса», – пояснил обер-инквизитор. – Совершенно безобидная фирмочка, персонал и понятия не имеет, для кого зарабатывает деньги. Грузобагаж, контейнеры, автоперевозки во все концы страны и за границу...

«К чему он клонит? – подумал Лесник. – Зачем тратит время на рассказ о мирных коммерсантах?»

2.

Про спасенный из подземелья прибор спросила Диана. Ответ шокировал: в Трех Китах не смогли понять, для чего он предназначен.

НЕ СМОГЛИ.

Вот так...

До сих пор Лесник считал, что в инквизиторской «академии наук» собраны лучшие специалисты как в теоретических, так и в прикладных дисциплинах, в технике в том числе.

И, столкнувшись с незнакомым устройством, сумеют определить хотя бы принцип работы и выполняемые функции.

– Имитация? – спросил он. – Обманка?

– А смысл? – пожал необъятными плечами обер-инквизитор. – Кого обманывать? Кто мог ждать, что после вашего визита в подземелье уцелеет от ликвидации именно эта железка, а не какая-либо иная?

Лесник мысленно хмыкнул, сохраняя невозмутимое выражение лица. Операцию, значит, провалили они. А железка, дескать, уцелела сама. Самостоятельно.

Юзеф продолжил:

– Орлы Семаго-младшего говорят: никакой имитации, слишком уникальная и дорогая элементная база использована, чтобы дурить такой игрушкой профанов. Что-то она измеряет, какое-то излучение или флуктуации какого-то поля... И выдает пеленг на источник излучения либо поля. Но какого именно – загадка природы.

– На наших клиентах проверяли? – быстро спросил Лесник.

Чем черт не шутит, вдруг «барсам» удалось добиться успеха по теме биоэнергетики паранормальных людей. И не совсем людей. Портативный пеленгатор нелюди – это же мечта любого полевого агента...

Губы обер-инквизитора скривились, словно он собрался сказать нечто язвительное. Но не сказал – лишь кивнул и коротко добавил:

– Без результатов.

Затем уселся, наконец, в свое начальственное кресло, молча указал агентам на стулья. Лесник понял: преамбула закончена. Сейчас начнется работа.

3.

– Итак, что мы имеем? Религиозных экстремистов, более чем странных и неординарных. Во-первых, практикующих кровавые ритуалы трехтысячелетней давности. Во-вторых, весьма активно использующих самую современную технику и передовые технологии, настолько передовые, что наши научные спецы недоуменно открывают рот – но вымолвить ничего вразумительного не могут. Не самое обыденное сочетание. А вот вам и третья странность... – Юзеф кивнул на украшавшую его стол груды макулатуры. – Во всей этой навозной куче нашлась-таки жемчужина.

«Жемчужина» выглядела как тоненькая прозрачная папочка – и лежавшие в ней документы на вид не отличались от остальных бухгалтерских бумаг.

– Контейнер, – пояснил обер-инквизитор. – Двадцатифутовый контейнер. Отправлен в Северную Европу, конкретно – в Данию. Получатель – некий Юхан Азиди, гражданин означенной страны, проживающий в городе Эсбьерг. Национальность смешанная – сын датчанки и ливанского араба. Не исключено, что получатель липовый. А кто скрывается за спиной господина Азиди, придется выяснять именно вам.

Из дальнейших слов Юзефа выяснилась причина интереса Новой Инквизиции к грузу, предназначенному полу-датчанину, полу-арабу.

Контейнер и впрямь оказался с весьма странным содержимым. Лежали в нем приборы, напоминающие спасенный Лесником – но значительно более громоздкие и, судя по всему, куда более мощные. Не много, не мало – четырнадцать комплектов. К сожалению, ни одной инструкции по применению к загадочным устройствам не прилагалось.

Вместо этого в контейнере обнаружили многочисленные материалы, связанные с...

С ядерными исследованиями.

И с созданием первых атомных бомб...

Отнюдь не выкраденные у российских ядерщиков военные тайны: материалы открытые, давным-давно рассекреченные – можно скачать хоть из Интернета.

– Что, так уж прямо из Интернета? – не поверил Лесник.

– Ну, не всё, – пояснил Юзеф, – некоторых совсем специфических материалов ты в сети, конечно, не найдешь. Но в научной библиотеке их добыть можно. Главное – знать, что искать... Другое дело, что никакой одиночка, пользуясь этими материалами, бомбу у себя на кухне или в гараже не смастерит. Там изложены общие принципы, а нужны конкретные технологии. И, разумеется, сырьевая, промышленная и научная база достаточно развитого государства.

Кроме того, по словам обер-инквизитора, в контейнере хранилась масса военно-исторической литературы – и вся на одну-единственную тему. Описания всех мало-мальски значимых операций Второй мировой войны – подробнейшие, со всеми картами и разборами. Материалы тоже вроде не секретные...

Тем не менее, отправка готовилась со всеми мыслимыми предосторожностями: служащие дочерней фирмочки понятия не имели, что именно отправляют, груз продекларирован как «бытовая аппаратура и печатные издания». Надо думать, таможенники – и российские, и датские – получили достаточную мзду, чтобы не задаваться вопросом: для каких таких бытовых надобностей служит пресловутая аппаратура?

У Лесника же вопросов возникло множество. Что с загадочным грузом надо разбираться – это понятно. Но почему именно им? Есть ведь заграничные резидентуры Новой Инквизиции, есть родственные службы в европейских странах... У католиков инквизицию курируют ордена доминиканцев и иезуитов, с их бойцами Леснику приходилось сталкиваться – умеют-таки работать ребята. В протестантских странах Северной Европы инквизиторские функции выполняют различные структуры, как церковные, так и светские – законспирированные и относительно слабые.

Кто и под каким видом занимается их работой конкретно в Дании, Лесник не имел понятия. Он вообще мало что знал об этой стране – в профессиональном плане, разумеется. Ну и какой смысл обер-инквизитору посылать туда на задание не знакомых с обстановкой агентов?

На сей раз он не промолчал, спросил прямо. Ответ Юзефа шокировал.

– В Дании нет нашей резидентуры. Вообще. Упразднена в восемьдесят девятом из-за... В общем, упразднена. Один местный кадр, правда, остался. Живет человек неподалеку, в Оденсе, – некогда активно с нами сотрудничавший. Если провести аналогию с дипломатией – исполняет обязанности почетного консула. С реалиями тамошними знаком хорошо, но оперативных навыков не имеет, да и годы не те...

Диана вздохнула, поняв, что отвертеться от командировки не удастся. Спросила:

– Когда контейнер прибудет в Эсбьерг?

– Через четыре дня приходит паром. Вы вылетаете в Данию сегодня. Билеты и заграничного паспорта готовы.

Диана снова вздохнула, теперь на пару с Лесником.

– Кстати, – добавил обер-инквизитор, – забыл упомянуть один характерный штрих: все материалы в контейнере – и исторические, и технические – на немецком языке либо с приложенным немецким переводом. К чему бы это?

4.

Хоть Эсбьерг и числился пятым по величине городом родины принца Гамлета, но регулярные авиарейсы его с Москвой не связывали. И Лесник с Дианой сели в «Шереметьево-2» в аэробус «Скандинавских авиалиний», вылетающий в Копенгаген. От Юзефа вполне стоило ожидать, что он – из патриотических побуждений – отправит подчиненных самолетом «Аэро-

флота». Но российский борт вылетал на пять часов позже – и фактор времени стал решающим для обер-инквизитора.

...Стюардесса попросила пристегнуть ремни безопасности, звук двигателей усилился, прорвавшись-таки сквозь звукоизоляцию салона, – и разговор напарников угас сам собой. Когда после набора высоты Лесник решил его возобновить, то обнаружил, что Диана задремала, откинувшись в кресле.

Тогда он достал «персик», куда успел закачать из сети несколько файлов, касающихся славного города Эсбьерга. За два с половиной часа перелета стоит их просмотреть и составить свое независимое мнение – независимое от досье, полученного в штаб-квартире Новой Инквизиции.

Скоро стало ясно – ничем особенным Эсбьерг не знаменит. Нет в нем памятников седой старины, коими столь богата родина Андерсена, и не происходили какие-либо исторические события, – прежде всего потому, что основан был городишко относительно недавно, во второй половине девятнадцатого века. В туристских справочниках и путеводителях Эсбьерг даже не упоминался.

Лишь во время Второй мировой к Эсбьергу пришел краткий миг всемирной известности – он стал первым датским городом, пострадавшим от бомбардировок. Причем, что удивительно, на третий день войны, за семь месяцев до вступления в нее Дании, – британские «веллингтоны» немного промахнулись во время налета на немецкую военно-морскую базу Вильгельмсхафен.

(Не слабо промазали, подумал Лесник, чуть не две сотни километров...)

Современных достопримечательностей, вроде знаменитого на весь мир датского Леголенда, – тоже нет... Основные занятия аборигенов – рыбная ловля и переработка рыбы. Но они после вступления Дании в ЕЭС пришли в упадок, «рыбный бум» шестидесятых-семидесятых годов давно миновал... Население за последние тридцать лет сократилось с восьмидесяти тысяч до семидесяти с небольшим.

Ну что же, некоторые моменты досье, посвященного Эсбьергу и его обитателю Юхану Азиди, стали яснее. Надо понимать, как раз во времена пресловутого «рыбного бума» рыбоперерабатывающей промышленности города остро требовались рабочие руки. Тогда и появилась там небольшая арабская диаспора. И тогда же красавчик-араб Хафис Азиди женился на местной жительнице – дочери рыбака Марте Кристиансен. А теперь вот единственный потомок этого брака собирается получить из России контейнер с весьма неординарным содержимым... С чего бы у двадцативосьмилетнего владельца пяти траулеров проснулся интерес к прикладной ядерной физике и к истории Второй мировой?

Лесник искоса взглянул на Диану. Ладно, пусть поспит... Найдется еще время обсудить предварительный расклад.

Диана спала. Снилось ей пустыня Невада, отчего-то заросшая от горизонта до горизонта небывало яркими и одуряюще пахнущими тюльпанами – и по всей этой красоте грохотала гусеницами бесконечная колонна танков с красными звездами на башнях...

Разбудил Диану лишь толчок – колеса лайнера коснулись посадочной полосы.

Глава третья. Нелегкая жизнь нелегалов

1.

Проработанная до мелочей легенда, без которой ни один уважающий себя агент-нелегал в чужую страну не сунется, у Дианы и Лесника отсутствовала. Вообще. «Действуйте по обстановке», – обтекаемо напутствовал их обер-инквизитор. То есть, как хотите, так и лицедействуйте. Можете изобразить влюбленную парочку, решившую полюбоваться в Копенгагене на замок Амалиенбург и памятник Русалочке, но невзначай перепутавшую авиарейсы. Или предприимчивых русских бизнесменов, вознамерившихся открыть в Эсбьерге блинную «Пьяный казак»... Все равно никакой легендой содержимое дорожной сумки Лесника, медленно ползущей на ленте транспортера, не объяснить. Любой таможенник, любой сотрудник службы безопасности аэропорта просто-таки обязан нажать тревожную кнопку, увидев на экране малый шпионский набор...

Однако два молодых человека в голубых форменных рубашках ничего подобного не сделали. Как сидели, так и продолжали сидеть, лишь устремленные на монитор глаза несколько затуманились.

«Рядом с Дианой и в самом деле можно обойтись без легенды, – в очередной раз подумал Лесник. – Но если вдруг потребуется разделиться? Юзеф мог бы уж сделать бумагу, позволяющую легально таскать в кармане хотя бы вот эту игрушку...» Четкий контур пистолета с глушителем привлекал внимание даже при самом беглом взгляде на экран. Впрочем, в Дании закон карает за незаконное хранение и ношение оружия не слишком сурово. А датские тюрьмы, отпускающие заключенных на выходные пообщаться с семьей, придуманы исключительно для честных и законопослушных людей...

Молодые люди никак не отреагировали на то, что проплывало перед их невидящими взорами. Лесник подхватил прошедшую досмотр сумку. Диана смахнула с виска крохотную капельку пота.

– Перегнули они палку с бдительностью, – негромко сказала она, направившись к выходу. – Еще понятно, отчего в Копенгагене прикрыли «зеленый коридор» для иностранцев, но уж в этой заштатной дыре прилетающих местными рейсами могли бы и не проверять.

– Не иначе как от последствий «карикатурной войны» страхуются, – равнодушно предположил Лесник.

И они ступили на землю города Эсбьерга. Вернее, не совсем города – от аэропорта его отделяли несколько километров.

Сразу стало ясно, что жизнь тут не бьет ключом... Пустынная площадь, несколько киосков, – пожалуй, последний раз открывавшихся во времена знаменитого «рыбного бума». Прибывших в Эсбьерг пассажиров было немного, всего семь человек, включая Лесника и Диану, – и четверо их попутчиков уже устремились к единственному одинокому такси, маячившему поблизости.

Прокат автомобилей при аэропорте функционировал – но предлагал на выбор несколько развалюх, способных привести в экстаз любителя антикварной авторухляди. Лесник в экстаз не пришел и выбрал «фиат», выглядевший чуть жизнеспособнее своих коллег по несчастью.

– На «шестерку» похож, – мотивировал он свой выбор. – Была у меня когда-то «шестерочка», давно, на последнем курсе... Купил за сущие гроши. Зато и ездила день, потом чинилась три...

– Ностальгия замучила?

– Старею, видать, – попытался улыбнуться Лесник.

Улыбка получилась невеселая. Может, грядущая старость тут была и не при чем, но в последние месяцы навалилась нехорошая усталость... Физически все оставалось в норме, но Лесник потерял интерес к тому, что приходилось делать. Абсолютно потерял. Делал, конечно же, и делал лучше многих, – однако равнодушно, без бывшего азарта, на чистом профессионализме. Когда все началось? Пожалуй, во время приснопамятной операции в Царском Селе что-то надломилось, что-то треснуло в душе – глубоко, внешне незаметно... Все чаще Лесник ловил себя на мыслях: а как бы повернулась его жизнь, не случись давняя встреча с Юзефом?

– Старею... – повторил он несколько минут спустя, вырываясь на ведущее к городу шоссе.

Повторил уже без улыбки.

Диана взглянула на него удивленно.

2.

Обер-инквизитор сидел неподвижно в кресле. Размышлял. По давней привычке помянутый процесс обычно не мешал Юзефу заниматься повседневной текучкой. Но сейчас он не просматривал документы, не прикасался к клавишам селектора. Всего лишь размышлял...

О странном содержимом отправленного в Данию контейнера.

Об истории Второй мировой войны.

И о ядерной бомбе.

А самое главное – о загадке 22 июня 1941 года.

...К осени 1939 года никаких возможностей воздействовать на Сталина у Новой Инквизиции не осталось. Не исключено, что генсек как-то почувствовал, что не все решения, принятые им в предыдущие два года – самостоятельные (хотя гипнограмму накладывал лично Юзеф при помощи сильнейших суггесторов Инквизиции, и обычный человек почувствовать ее никак не мог). Или сыграла свою роль маниакальная осторожность и подозрительность вождя...

В любом случае, Инквизиция полностью потеряла возможность напрямую влиять на высшую политику Советского Союза. Пытаться же действовать через партийных и государственных аппаратчиков, пусть даже самого высокого ранга, не имело смысла – любая активизированная креатура, отклонившаяся от генеральной линии, тут же отправлялась в лубянские подвалы. Созданная Иосифом Виссарионовичем система единоличной власти сбоев не давала.

И за событиями двух последних предвоенных лет Юзеф поневоле наблюдал со стороны.

Что война неизбежна, в Советском Союзе чувствовали и понимали все, даже люди, весьма далекие от секретов политики. Война победоносная и наступательная – иной и представить было невозможно, теперь промышленная и военная мощь страны не шла никакое сравнение со старой Россией, отсталой и крестьянской. Тогда солдаты, едва схлынула первая волна ура-патриотизма, просто не хотели воевать... А если бы и хотели – военная промышленность не могла снабдить их самыми элементарными на войне вещами, начиная от ботинок, винтовок и заканчивая артиллерийскими снарядами. Что уж тут говорить о более сложной технике – грузовиках, танках и самолетах! Производство авиамоторов на русских заводах к началу Февральской революции составляло двести штук в месяц, к лету же 1941 года – несколько тысяч.

На вооружении Красной Армии стояли тысячи танков, десятки тысяч самолетов, грузовиков, тракторов – все отечественного производства и не уступающие зарубежным машинам по боевой мощи, а по многим характеристикам – превосходящие. О таком царской России оставалось только мечтать. Наша техника прекрасно проявила себя в Испании и Китае, а красноармейцы продемонстрировали прекрасную подготовку и высокий боевой дух в боях с непобедимыми когда-то японцами на Хасане и Халхин-Голе.

С такой армией можно даже не вступать в войну первым – достаточно сидеть и ждать момент, когда можно бросить ее на чашу весов. Или когда одна из воюющих сторон, изнемогаю-

щих в непосильной борьбе, предложит за помощь больше, чем сможет посулить другая. Лишь бы Англия не успела сговориться с Гитлером первой...

Победе предстояло оправдать всё. И жесткую, но эффективную перестройку сельского хозяйства, позволившую высвободить десятки миллионов рабочих рук для работы в промышленности. И отправку многомиллионных масс людей – чаще всего отнюдь не добровольную – на необжитые северные и восточные окраины: валить лес, добывать золото и руды редких металлов. И безжалостное истребление потенциальных внутренних врагов – удар в спину, нанесенный воюющей Империи в феврале семнадцатого, не должен повториться, и не повторится.

К весне сорок первого стало ясно, что Гитлер хорошо понимает: у Рейха остался единственный реальный противник в борьбе за господство в Европе – ведь нельзя же считать серьезными врагами островную Англию или отсиживающуюся за океаном Америку. Вне зависимости от политики Сталина Гитлер был обязан учитывать угрозу с востока, со стороны Советского Союза. И Германия первой нарушила соглашение о разделе сфер влияния, отправив войска в Финляндию, а на переговорах с Молотовым в Берлине открыто заявила свои претензии на Юго-Восточную Европу – традиционную область интересов России...

Оценив масштаб нависшей с востока угрозы, фюрер готовился сделать единственно возможным ход: начать превентивную войну.

Дивизии Вермахта стягивались со всей Европы к разделившей Польшу демаркационной линии. С другой стороны к этой же линии стягивались дивизии Красной Армии.

Кому-то из них предстояло нанести первый удар...

3.

– По-моему, наша таратайка стала издавать вовсе уж неприличные звуки, – сказала Диана.

– Ты только сейчас заметила? – улыбнулся Лесник. – Еще на железнодорожном переезде у нее отвалился глушитель. Ничего, если верить путеводителю, тут есть несколько нормальных автосалонов – скоро обзаведемся нормальным транспортом.

– Если только нам удастся доехать до этого самого салона, не очутившись на дороге посреди кучи обломков... У тебя есть хоть какие-то наброски плана: как нам подобраться к господину Азиди?

– Какой уж тут план... За два дня узнаем о нем всё, что можно. Что нельзя – тоже постараемся узнать. А послезавтра аккуратненько проследим, куда он повезет контейнер после получения. Дальше будем действовать по обстановке.

Диану изложенный план действий отнюдь не привел в восторг.

– Допустим, контейнер на какое-то время осядет на его складе, – предположила она. – А затем, выждав, его содержимое вывезут по частям, незаметно. Что тогда? Устанавливать тотальное наблюдение за фирмой? Вербовать кого-то из персонала? И всё силами двоих человек?

Лесник вздохнул.

– Что тогда? Тогда мы придем к нашему датско-арабскому другу под первым попавшимся предложением, и я спрошу открытым текстом: что, мол, за посылочку он получил из России и для кого она предназначена? А ты сделаешь так, чтобы господин Юхан *не смог* промолчать или солгать – а потом забыл бы весь разговор.

– Авантюра... Если даже Азиди используют втемную, наверняка за ним внимательно присматривают. И офис наверняка прослушивают. Засветимся моментально.

– На это и расчет... – вновь вздохнул Лесник. – Сыграем в поддавки. А как еще поймать черную кошку в темной комнате? Проще всего прикинуться мышью – сама набросится...

– Авантюра... Ловля на живца без подстраховки? Сплошь и рядом это дурно кончается. Ты мнишь себя таким Супермаусом, способным пополам порвать любую киску. Но понятия не имеешь о размерах клыков притаившейся в темноте зверушки.

– Не имею, – кротко согласился Лесник. – И с радостью готов рассмотреть любой другой план, более продуманный и менее авантюрный.

Увы, менее авантюрного и более подуманного плана у Дианы не нашлось...

А затем они въехали в Эсбьерг.

Город не выглядел запущенным, как можно было заподозрить по впечатлению от аэропорта. У городов – точь-в-точь как у людей – старость бывает разная. И если вымирающие городки российской глубинки напоминают грязных, спившихся, бомжеватых стариков, то Эсбьерг казался старцем, убеленным сединами, но не утратившим ни осанки, ни достоинства.

Да, на многих домах окна были закрыты ставнями и висели таблички «ПРОДАЕТСЯ», но аккуратным внешним видом эти строения ничем не отличались от своих обитаемых собратьев. Такие же чистые стены, такая же коротко подстриженная трава на газонах... Такая же ярко-красная черепица, казавшаяся совсем недавно вымытой.

«А может, и в самом деле здесь крыши моют? – подумал Лесник. – Не удивлюсь, если в Дании существует муниципальная служба, занятая именно этим...»

– За нами следят, – негромко сказала Диана.

В тот же момент и сам Лесник обнаружил «хвост»...

4.

Обер-инквизитору не раз приходила в голову интересная аналогия: к началу лета 1941 года Сталин и Гитлер оказались в положении дуэлянтов.

Причем дуэлянтов, выбравших весьма странные условия поединка: противники сидят на противоположных концах длинного стола, и, прежде чем выстрелить, каждый должен успеть собрать свой пистолет, лежащий перед ним в виде груды разрозненных деталей.

Сталинский пистолет, безусловно, выглядел мощнее по всем параметрам – если считать количество танков и самолетов, число моторизованных дивизий, производительность военных заводов, сырьевые и мобилизационные ресурсы страны...

Оружие второго дуэлянта – Гитлера – на фоне советской машины смотрелось дамской игрушкой, из которой и застрелиться-то можно лишь при большой удаче и хорошем знании анатомии.

Но то было лишь внешнее впечатление.

Германская армия со времен Мольтке-старшего являлась отлаженным и исключительно эффективным оружием. Она любила воевать и умела это делать. Еще во время Первой мировой при определении соотношения сил немецкие генералы считали одного своего солдата равным двум британским или французским либо трем американским – и не сильно при этом ошибались...

Если же сравнивать оснащение противостоящих армий вспомогательной техникой и в первую очередь автотранспортом, то здесь соотношение сильно менялось в пользу Германии. И это – даже без учета традиционного немецкого качества, до которого советским танкам и самолетам было еще ох как далеко. Продолжая аналогию, можно сказать, что пистолетик Гитлера был автоматическим, а снизу, скрытый от стороннего наблюдателя краем стола, в его рукоятку был вставлен длинный автоматный магазин.

Но самое главное преимущество фюрера – его пистолет куда быстрее собирался... Небольшие размеры стран Западной Европы вообще и Германии в частности (естественно, в сравнении с российскими просторами) позволяли быстро перебросить дивизии Вермахта к советским границам. Плюс куда более развитая сеть железных и автомобильных дорог. Да и

пушек, танков, самолетов у Гитлера было меньше – в Рейхе и польском генерал-губернаторстве магистрали и узловые станции не были забиты бесконечными эшелонами с техникой, боеприпасами, запчастями, горючим...

К началу июня сорок первого года хорошо информированным людям (таковых в СССР и Европе насчитывалось десятка два-три, не более) стало ясно: Гитлер успеет раньше, не даст Сталину возможности завершить полномасштабную подготовку и первым нанесет сокрушительный удар.

Юзеф принадлежал к числу информированных – поток донесений из заграничных резидентур Новой Инквизиции складывался в однозначную картину: гитлеровское вторжение начнется в самые ближайшие дни. Между тем для приведения Красной Армии в полную боевую готовность требовалось не менее шести недель.

Обер-инквизитору в те дни виделось два выхода из сложившейся нелегкой ситуации.

Либо немедленно, не завершая подготовку, нанести удар уже развернутыми вдоль границы силами. Германские войска, плотно сгрудившиеся в приграничных лесах, и аэродромы, забитые стоящими крыло к крылу «Мессершмидтами» и «Юнкерсами», – цель крайне удобная. Да, задуманного чистого нокаута не получится. Но разве есть выбор? Если противник уже вставляет в свою в свой изящный карманный «вальтер» снаряженную обойму, а твой мощный армейский пистолет лишь наполовину собран, – что тут можно сделать? Лишь швырнуть его в голову супостату. Потому что самое плохонькое, но работоспособное оружие лучше, чем никакое...

Тем более что русская армия уже однажды совершила нечто подобное: во время Восточно-Прусской операции 1914 года. Неподготовленное, самоубийственное наступление наших войск, как ни странно, предрешило исход Первой мировой войны – ценою гибели армии генерала Самсонова. Знаменитый план Шлиффена – молниеносный разгром Франции и английского экспедиционного корпуса с последующей переброской всех сил на русский фронт – провалился. Два армейских корпуса, спешно отправленные немцами на восток, провели самый кульминационный момент первого этапа войны в эшелонах. И взятие Парижа не состоялось...

«Чудо на Марне», купленное жизнями тысяч русских солдат, втянуло кайзеровскую империю в войну на истощение – заведомо проигрышную для Германии. К сожалению, отнюдь не России достались плоды общей победы...

Так почему бы не повторить то же самое – но не в интересах неблагодарных союзников, а в своих собственных?

Был у Сталина и второй вариант, менее авантюрный. Хоть и не сулящий быстрой победы, но позволяющий сохранить кадровую армию: немедленно начать отвод армий и корпусов, развернутых вдоль новых рубежей страны, – назад, за старую границу, на укрепления «Линии Сталина». Пожертвовать пространством ради выигрыша времени. Утратить все территориальные приобретения двух последних лет, но вывести армию из-под удара и обеспечить безболезненное сосредоточение сил для последующей схватки...

Сталин не предпринял ничего.

НИЧЕГО.

Нет, конечно, титаническая работа по сосредоточению ударной мощи шла, и шла нарастающими темпами, – но так, словно по другую сторону границы не стояла армия, полностью изготовившаяся к наступлению... И для упреждения немецкого удара Сталин не предпринял ничего... Наоборот: с танков снимали двигатели для профилактического ремонта, а с самолетов демонтировали пулеметное вооружение для установки более мощного пушечного... Подготавливали боевые машины к *шюльскому* наступлению?..

Обер-инквизитор пытался сделать, что мог: его люди передавали самую точную, проверенную информацию заграничным структурам ГРУ и НКВД. Юзеф не сомневался, что анало-

гичные сигналы поступают и из других источников. Всё впустую... Вождь не на что не реагировал.

И случилось то, что случилось.

Полный разгром.

Самолеты сталинских соколов сгорали на взлетных полосах, застигнутые внезапными бомбардировками, гибли в неравных воздушных боях первого дня войны, либо оказались раздавлены на аэродромах немецкими танками, не имея возможности взлететь из-за отсутствия горючего.

Наши танки со снятыми двигателями не смогли вступить в бой, а те, что вступили, – бездарно погибли, лишённые прикрытия пехотой, артиллерией и авиацией, не имея подвоза горючего и боеприпасов... Немецкие танковые клинья беспрепятственно рвались вперед. Части Красной Армии, застигнутые войной в катящихся с востока эшелонах, вступали в бой неожиданно, разрозненно, без связи со штабами своих дивизий и без понимания оперативной обстановки, – и гибли, гибли, гибли...

5.

Автомобильное движение на улочках Эсбьерга было, мягко выражаясь, не самым оживленным. И «форд-седан» серебристо-серого цвета, неотступно следовавший за ископаемым «фиатом», не мог долго оставаться незамеченным. Да и не пытался.

– Кажется, ты хотел поймать черную кошку? – спросила Диана. – На ловца и зверь выбежал.

– Рановато что-то... – задумчиво протянул Лесник, наблюдая за преследователями в зеркало заднего вида. Густо тонированные стекла «форда» не позволяли разглядеть его водителя и пассажиров, если таковые наличествовали. – Нигде и никак мы не успели бы засветиться. Или нас ведут с самой Москвы, или...

Его незаконченная фраза скрывала множество вариантов – одинаково умозрительных и бездоказательных. Версию, что их преследует фанатичный коллекционер автомобильных раритетов или внезапно влюбившийся в Диану поклонник, Лесник отмел сразу. Но в аэропорту Копенгагена (либо, что менее вероятно – Эсбьерга) мог осуществляться не только визуальный контроль просвечиваемых чемоданов и сумок, но и запись в целях последующего более внимательного изучения. И владельцами подозрительного багажа заинтересовались доблестные датские правоохранители. Второй вариант – загадочные получатели загадочного груза недаром выбрали в качестве перевалочного пункта здешнее захолустье, где каждый вновь прибывший на виду, – и сейчас проверяют: с какой-такой радости занесло сюда двух русских туристов?

В любом случае ясно – с самого начала работы угораздило оказаться под колпаком. Приятного мало...

– Мы так и будем кататься с почетным эскортом? – невинным тоном поинтересовалась Диана.

– Предлагаешь оторваться от погони на нашем драндулете? Или собралась повязать и допросить их на глазах у изумленной датской общественности? – мрачно спросил Лесник. Однако на ближайшем перекрестке свернул в сторону городской окраины, план Эсбьерга он изучил досконально за время двух перелетов.

«Форд-седан» демонстративно держался сзади.

– Не полиция, – постановил наконец Лесник. – И не РЕТ¹ – здешний аналог ФСБ. К чему им такие игры? Если обратили-таки внимание на мою сумку, копы – или как они тут

¹ РЕТ (Politiets Efterretningstjeneste) – служба безопасности и разведки Дании, выполняет функции госбезопасности, контрразведки, охраны королевской семьи и т.д.

и называются? – попросту задержали бы нас в аэропорту. А «секрет сервис» следила бы не так откровенно... Вольные стрелки, вроде нас с тобой.

– Если здешние, то к некоторым хамским штучкам наверняка не привычны, – предположила Диана. – Проучим?

– Попробуем... После следующего перекрестка.

И они попробовали. Лесник остановил «фиат», указывая Диане на очередной продающийся дом. Она несколько секунд разглядывала фасад, затем совершенно замотивированно распахнула дверцу, словно собиралась досконально осмотреть недвижимость...

Высочивший из-за угла «форд» затормозил, остановился метрах в пятидесяти. Диана шагнула к дому, грамотно прикрывая телом пистолет с глушителем. Еще несколько шагов – и можно будет под острым углом выстрелить в колесо. Негромкий хлопок не привлечет ничего внимания, а назойливые люди в «форде» поймут, что мышка им подвернулась на редкость зубастая.

Не сложилось.

Или преследователи умудрились-таки разглядеть пистолет, или попросту перестраховались... Но «форд» рванул с места задним ходом, взвизгнув покрывками, развернулся на перекрестке – и исчез из виду.

– Похоже, они тут ко всему привычные... – прокомментировала Диана, вернувшись в салон.

Как бы то ни было, от «хвоста» они избавились – весь путь до гостиницы никакие подозрительные машины сзади не маячили.

Что, впрочем, ничего не меняло. Вычислить двоих чужаков в небольшом городке по плечу даже дилетантам...

6.

Впоследствии, анализируя действия Сталина в три первые недели июня сорок первого года, Юзеф пришел к выводу: у генерального секретаря была какая-то информация, позволявшая иметь стопроцентную уверенность, что Гитлер первым не нападет, что подготовка Красной Армии успеет завершиться. Вернее, как показали дальнейшие события, не информация, но дезинформация... Поскольку Гитлер все-таки напал.

Разгадка величайшей российской трагедии двадцатого века ушла вместе с «гением всех времен и народов»...

После завершения войны, когда стали известны (известны узкому кругу посвященных, разумеется) подробности гитлеровского «Уранового проекта», у обер-инквизитора мелькнула мысль: вот он, тот козырь, без которого Гитлер не мог, по мнению Сталина, начать большую игру.

В истории нацистской Германии документально зафиксировано, что немецкие ученые к 1941 году вплотную подошли к созданию атомной бомбы. Работы по созданию ядерного оружия нацистами велись несколько лет, в Германии в это время существовал экспериментальный ядерный реактор и полигоны для испытания атомного оружия.

Однако законченный немецкими учеными – уже после вторжения в СССР —опытный образец атомной бомбы оказался слишком громоздким для транспортировки по воздуху, и лишь потому Гитлер отказался от его применения. И в самом деле, как прикажете доставить на территорию противника взрывное устройство, в разобранном виде занимающее два железнодорожных вагона?

Позже, когда советско-германский фронт стремительно покатился на запад, теоретическая возможность появилась – заложить атомную супермину, устроить наступающей Красной

Армии ядерный Апокалипсис, остановить ее продвижение хотя бы на одном из направлений, в первую очередь – на Берлинском.

Возможность появилась, но... Но бомбы на тот момент у Гитлера *уже не было*.

Бесноватого фюрера подвела банальная нехватка стратегических ресурсов – с 1943 года Португалия, сообразив, на чью сторону клонится победа в мировой войне, перестала экспортировать в нацистскую страну вольфрам, необходимый для производства брони и бронебойных пушечных снарядов. И Гитлер вынужден был издать приказ по покрытию дефицита вольфрама ураном, который стали повсеместно добавлять в сплавы для производства сердечников для снарядов и брони «Тигров» и «Пантер». Тысяча двести тонн урана, накопленного в рамках программы по созданию немецкого ядерного оружия, были-таки пущены в дело, но совсем иначе, чем планировалось...

Сталин, скорее всего, в сорок первом о бомбе Гитлера *знал*. Уже в следующем году, едва стало ясно, что полного и окончательного разгрома удалось избежать, генеральный секретарь подписал постановление ГКО «Об организации работ по урану» – сил и средств на это не пожалели, при том, что прочие научные направления, не сулившие быстрой военной отдачи, в сорок втором году заморозили...

Сталин знал о бомбе Гитлера и планах ее применения – но не исключено, что информацию ему *подбросили*. Тогда расклад для генерального секретаря получился очевидный: несколько превентивных ядерных ударов способны резко увеличить шансы Вермахта в противостоянии с Красной Армией – супероружие уже на подходе, но несколько недель в запасе есть...

Поразмыслив, обер-инквизитор тогда отбросил свое изящное логическое построение. Для того, чтобы руководствоваться именно такой логикой, Сталин в сорок первом году должен был иметь ясное представление о действии атомного оружия. (Мало ли какие теории выдумывают высоколобые теоретики? Далеко не все их придумки воплощаются в жизнь...) Как у генсека могла появиться информация о поражающих факторах ядерного взрыва — задолго Хиросимы и Нагасаки?

А теперь перед Юзефом лежали копии технической документации из ушедшего в Данию контейнера. Простенькие, без излишних секретных подробностей, схемы ядерной бомбы. Ныне каждый школьник представляет, как ее соорудить – разбить урановый или плутониевый заряд критической массы на две, а лучше на четыре-пять частей, разделить их перегородками из сдерживающего поток ядерных частиц, но легко выгорающего материала, – а потом столкнуть взрывом самого обычного взрывчатого вещества.

Элементарно и просто – как и всё, придуманное кем-то до тебя.

Элементарно и просто...

Если бы гитлеровские ядерщики знали эти простые вещи – их бомба не весила бы десятки тонн и вполне бы поместилась в бомболюк «Юнкерса» или «Хейнкеля»... И весь ход Второй мировой войны повернул бы в новое русло...

Зачем в контейнере лежали описания почти всех битв Второй мировой?

ЗАЧЕМ???

Почему все материалы на немецком?

Отчего, наконец, выбран столь неудобный способ пересылки – в виде груды бумаг? Куда проще отсканировать и передать по электронным сетям в цифровом виде. Проще – но только в том случае, если у адресата тоже есть компьютер... А где их, компьютеров, сейчас нет? У эскимосов Гренландии? Ох, едва ли... Так отчего вся информация в бумажном виде?

Ответ на все вопросы существовал. Но явственно припахивал паранойей.

7.

Рука обер-инквизитора потянулась к клавише селектора – и застыла на полпути.

Губы Юзефа скривились – словно он собрался сказать нехорошее слово, адресованное самому себе. Но не сказал...

«Какого дьявола! – раздраженно подумал он. – Всю жизнь занимаюсь вещами, в которые мало кто верит, которые считают бредом параноиков... Одним бредом больше, одним меньше – какая разница?»

Палец решительно вдавил клавишу.

Вскоре обер-инквизитор диктовал референту:

– Подготовить и передать в Три Кита распоряжение за моей подписью – через сорок восемь часов расширенное совещание. Присутствие всех руководителей направлений и ведущих секторами обязательно. Начальников лабораторий пригласить выборочно, на усмотрение Семаго – всех, кто хоть как-то связан с обсуждаемой темой. Тема совещания: «Перемещения во времени». Приоритет «четыре стрелы» – за оставшийся срок всем приглашенным отложить прочие работы, поднять материалы по делам, связанным с хроноаномалиями: спонтанные появления единичных экземпляров животных, считающихся давно вымершими; призраки и привидения давно умерших людей, не позволяющие классифицировать себя как стандартные галлофантомы... «Летучие Голландцы» – суда старинной постройки, время от времени наблюдаемые в океане...

Референт слушал, почти не записывая, лишь изредка черкал в блокноте какую-то закорючку – но Юзеф знал, что его слова дойдут до Трех Китов в точном и неизменном виде. И, скорее всего, шокируют ученых мужей – никогда еще обер-инквизитор не ставил перед ними столь глобальную и столь неконкретную задачу: вычислить и проанализировать проявления того, что теоретически и существовать-то не может. Да еще за сорок восемь часов.

Обер-инквизитор продолжал диктовать:

– Любые намеки на исследования, теоретические либо практические, связанные с хронопутешествиями – если таковые намеки имеются в наших архивах... Пациенты психушек, утверждающие, что они путешественники по временам... Технические артефакты, назначение которых так и осталось невыясненным...

Он подумал, что именно такие артефакты – в количестве аж четырнадцати штук – подплывают сейчас на пароме к городу Эсбьергу.

Дела минувших дней – II Москва, 29 мая 1941 года

Кинозал был крохотный, всего на десяток посадочных мест, – и тем не менее даже наполовину не заполнился зрителями. В невероятно мягких, невероятно удобных кожаных креслах сидели четверо. Вот уж никогда не пришло бы в голову Леониду Алексеевичу, что доведется угодить на такой ночной сеанс в такой компании... Однако довелось.

На экране мелькали до боли знакомые ему кадры – съемки оператора Струкова, сделанные в 1928 году. Леонид Алексеевич, закусив губу, вспоминал, как тринадцать лет назад Струков объяснял по возвращении в Ленинград: когда при спуске к Ванаваре лодка опрокинулась, большая часть пленок невосстановимо пострадала от воды. Оператор тогда отводил взгляд в сторону, губы подрагивали, – явно был напуган до крайности. Леонид Алексеевич не понял причин испуга, вернее, понял совершенно превратно, – его взрывного характера многие побаивались. Дурак, дурак, дурак...

Кадры двадцать восьмого года тем временем сменились более свежими, причем сделанными с воздуха. Леонид Алексеевич теперь всматривался в экран с бóльшим интересом. Результаты аэрофотосъемки трехлетней давности, проведенной при содействии академика Шмидта, Леонид Алексеевич видел. Не подозревал только, что самолеты были заодно оборудованы и кинокамерами.

Он, как сейчас выяснялось, вообще о многом не подозревал... Считал, что его многолетние усилия разбиваются о стену равнодушия потому лишь, что в стране, активно строящей социализм, никому не интересны камни, падающие с неба. И в самых бредовых фантазиях он не мог предположить, что пресловутая стена возведена преднамеренно – и поверх нее наблюдают за ним весьма внимательно. Наблюдают очень давно, вполне возможно – с 1921 года, с самой первой экспедиции в район Подкаменной Тунгуски...

Интересного в фильме оказалось мало – в основном лес. Тайга. Упавшие деревья, упавшие очень давно – многие ветви отвалились и сгнили, могучие стволы едва просматривались под молодой порослью. Лишь в самом центре гигантского пятна поваленного леса мертвые, лишившиеся сучьев лиственницы и ели устремлялись к небу, словно огромные зубочистки, зачем-то воткнутые здесь рукой великана.

Интересного в фильме оказалось мало, но трое из четырех зрителей всматривались в экран с неослабевающим вниманием. А вскоре заинтересовался и Леонид Алексеевич – этих съемок он никогда не видел. Титры (кино было немым) сообщили: сейчас зрители увидят результаты экспериментов, проводимых на N-ском полигоне под Архангельском.

Леонид Алексеевич поначалу удивился: какое отношение имеет Архангельск к делу всей его жизни? – но быстро все понял. На экране какие-то люди втыкали в землю палочки-хвостинки, затем над их посадками беззвучно (для зрителей – беззвучно) взорвалась динамитная шашка, подвешенная на тонком длинном тросе к чему-то невидимому. Кинокамера продемонстрировала результаты эксперимента, – результаты, даже отдаленно не напоминавшие поваленную в тысячах километрах от Архангельска тайгу.

Еще один опыт, и еще, и еще... Титры бесстрастно сообщали высоту взрыва над землей и мощность заряда. И та, и другая цифры постоянно росли. Причем, надо думать, далеко не все результаты попали на экран.

На последний взрыв не пожалели восьми тонн тринитротолуола. «Пятьсот пудов, – по привычке мысленно перевел Леонид Алексеевич, глядя, как громадный серый аэростат поднимает вверх набитый дремлющей смертью ящик. – Однако...»

Объектом опыта тут служили уже не хвостинки – настоящий лес. Но, хотя молодые сосны и ели в нем не достигли своих взрослых размеров, результат оказался более чем скромным.

На этом, надо понимать, возможности экспериментаторов по увеличению груза взрывчатки, поднимаемой на высоту, иссякли. И фильм завершился – без каких-либо титров, даже без слова «КОНЕЦ». Мелькнули кадры склейки, экран потемнел, и через пару секунд зажглись большие люстры – вернее, сначала едва затеплились, помаленьку набирая яркость, оберегая сетчатку зрителей от светового удара...

Обсуждали фильм в расположенном неподалеку кабинете. В самом главном кабинете страны.

Кроме Леонида Алексеевича и хозяина, одетого в свой знаменитый на всю страну, на весь мир полувоенный френч, присутствовали еще двое в штатском. Один из них – с резкими, словно топором вырубленными чертами лица – похоже, куда больше привык к генеральскому мундиру, чем к пиджаку и галстуку. На втором штатская одежда смотрелась уместнее – однако же и ему носить военную форму было не в диковинку.

– Мы пригласили вас, товарищ Кулик, чтобы услышать мнение главного в стране специалиста по данному вопросу, – сказал хозяин.

Сказал негромко, старательно приглушая резкий акцент, и все равно получилось: «товарищ Кулык»...

* * *

– Скажите, товарищ Кулик, что-нибудь из сделанных вами находок позволяет заподозрить, что в девятьсот восьмом году над тайгой взорвалось *нечто*, созданное руками человека?

Борис Михайлович наблюдал, как ученый отвечает на вопрос Хозяина – мнется, нервничает, перескакивает с одного на другое... Не лучшая манера поведения на совещаниях у генсека, тот привык, чтобы информировали его кратко, но исчерпывающе. Впрочем, настроение сегодня у Хозяина на редкость благодушное...

Нет, объяснял тем временем Кулик, подобных находок сделано не было. Частицы расплавленного металла, глубоко ушедшие в болотистую почву и разрушенные коррозией, находили. Чего, собственно, и стоило ожидать поблизости от места падения железно-никелевого метеорита. А затем – Борис Михайлович мысленно поморщился – ученый начал говорить о том, про что Хозяин вовсе не спрашивал. О газетной утке, запущенной четверть века назад американской желтой прессой: дескать, взрыв в далекой Сибири стал результатом испытания чудо-оружия, созданного великим Тесла, – исполинского электрического снаряда, пересекшего океан и половину Евразии. Рассказал и о молодом человеке, несколько лет назад рвавшемся в экспедицию Кулика для проверки своей бредовой идеи: над тунгусской тайгой, мол, потерпел катастрофу межпланетный корабль, прилетевший из далекого космоса (Леонид Алексеевич тогда отказал юноше-энтузиасту, посоветовав использовать бурную фантазию для написания фантастического романа). Естественно, делал вывод Кулик, и глупые фантазии заокеанских газетчиков, и бредни доморощенных недоучек всерьез принимать нельзя.

– Тогда что вы скажете про *это*, товарищ Кулик?

Вожьд неслышными, мягкими шагами подошел к столу, развязал тесемки папки – старинной, из пожелтевшего картона, явно дореволюционной – надпись ДЕЛЮ через «ять»...

Достал два скелотых скрепкой листка, протянул ученому.

Борис Михайлович уже не в первый раз видел именно эту папку именно в этом кабинете. Но о содержимом мог лишь догадываться – задавать прямые вопросы Хозяину не принято. Даже попытаться разглядеть, что написано выцветшими чернилами на папке, маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников не старался.

* * *

Леонид Алексеевич изумленно пробежал глазами столбики цифр, не вдумываясь в их значения. Его потряс сам факт – наличие у вождя замеров уровня радиации, сделанных на Подкаменной Тунгуске. Абсурд... Неужели там побывала какая-то сверхсекретная экспедиция – да еще умудрилась остаться незамеченной местными жителями? Ведь те, к примеру, годами судачили о визитах Леонида Алексеевича и его коллег...

Все стало понятно, лишь когда Кулик прочитал в конце документа имя его автора: старший научный сотрудник Института радиологии В. А. Сытин.

СЫТИН???

Сытин... Низкорослый, скуластый, чем-то похожий на тунгусских аборигенов-эвенков... Непонятно зачем навязанный в экспедицию «охотовед»... Вернее, теперь понятно, – зачем... Вот какое «поголовье соболя» изучал тот в своих частых отлучках из лагеря. А Леонид Алексеевич так и не смог добиться, чтобы ему в распоряжение предоставили хотя бы один-единственный радиометр...

* * *

Цифры ни в чем не убедили Кулика. Да, говорил он уверенно, наука не отрицает возможности вхождения в состав железно-никелевых метеоритов самых разных металлов, в том числе урана или радия. Совершенно очевидно, что на Подкаменную Тунгуску обрушился именно такой метеорит. И, взорвавшись, произвел радиационное заражение местности – судя по цифрам замеров, достаточно слабое.

Вождь, как показалось Борису Михайловичу, захлопнул папку несколько раздраженно. Но обратился к ученому ровным тоном:

– Думаю, товарищ Кулик, вам надо еще раз отправиться на Тунгуску и еще раз все проверить на месте. С учетом всех обстоятельств.

Кулик отвечал: да, новая экспедиция находится в финальной части подготовки, и в середине июня отправится в Сибирь.

– Есть мнение, что вам, товарищ Кулик, будет правильно отложить отъезд недели на две или три, – сказал вождь так, словно давал всего лишь совет, совершенно не обязательный к исполнению. – А мы вместе с товарищами из Академии Наук посмотрим, чем можно помочь – деньгами, людьми, техникой.

* * *

Когда за ученым закрылась дверь, Борис Михайлович подумал: фанатик. Твердолобый фанатик науки, четверть века отдавший своей идее – и уже не способный от нее отказаться. А факты, опровергающие пресловутую идею, не разглядит – даже если будут лежать под самым носом. Или, хуже того, вообще отвернется... Нет, вновь посылать Кулика в экспедицию – явная ошибка.

Но вождь вновь продемонстрировал Борису Михайловичу, что ошибок не допускает. Никогда. Потому что после ухода Кулика сказал:

– Думаю, что политически правильно будет не отправлять товарища Кулика на Тунгуску. Пусть с началом мобилизации получит повестку, в действующей армии его упрямство и напористость будут очень к месту.

Генерал с резкими чертами лица сделал пометку в блокноте: один из заместителей завтра же позвонит в военкомат – неформально, без каких либо письменных директив. Но любой военный комиссар без промедления и в точности последует дружескому совету, исходящему из Генерального штаба.

* * *

Разговор продолжался над развернутой картой – расположение армий и корпусов, заштрихованные синие и красные стрелы ударов и контрударов...

– Что произойдет, если вместо сибирских кедров и лиственниц под взрыв таких масштабов угодят наши дивизии? – медленно спросил генсек. – Ваше мнение, товарищ Жуков?

– Боевая подготовка красноармейцев предусматривает их готовность к любым неожиданным, – бодро отрапортовал начальник Генштаба. – К тому же в самом центре взрыва может оказаться батальон, максимум полк – потеря которого никак не отразится на общем раскладе сил.

«Кавалерист... – мысленно поморщился Борис Михайлович. – Все выпестованные Первой Конной генералы так и остались кавалеристами, хоть и пересели на танки...»

– Ваше мнение, Борис Михайлович? – спросил вождь. Шапошников был единственным человеком, которого он звал по имени-отчеству. За много лет – единственным.

Впрочем, человека, который в памятном двадцать седьмом, будучи командующим войсками Московского военного округа, без шума и без письменного приказа от начальства поднял вверенных ему красноармейцев в ружье, сделав то, что в прошлом году лишь довершил ледоруб Меркадера, – к такому человеку трудно было обращаться как-то иначе.

Не жаждущий славы и власти бонапартик, не лихой рубака, не любимец женщин и публики – тихий и вежливый штабист, который даже не нуждается в прямых приказах. Достаточно просто намекнуть, в общих чертах обрисовать желаемое – и завтра (послезавтра, на следующей неделе) на твой стол ляжет папочка с бумагами, в которой будет кратенько, но ясно и исчерпывающе описано, что как и когда для этого надо сделать.

А иногда и намекать не надо – сам поймет, что надо сделать, и сам в нужный срок сделает.

Дирижер. Администратор. Мозг армии.

Маршал начал издали:

– В самом конце минувшей войны в порту канадского городка Галифакс взорвался загруженный взрывчаткой пароход. Специалисты оценивают мощность взрыва в пять тысяч тонн тротила. Количество жертв и размеры разрушений позволяют утверждать: угрозой в тот момент Галифаксу наземный враг, например, вражеский десант, оборона города была бы сломлена без какого-либо труда. Насколько я понимаю, у нашего противника предполагается наличие нескольких взрывных устройств – впятеро и вшестеро более мощных?

– Не просто предполагается, – мягко поправил вождь.

– Я считаю, что применение даже одного такого устройства позволит обеспечить полосу относительно легкого прорыва шириной в несколько километров. Даже с учетом наличия окопов и земляных укреплений. Поскольку помимо прямого поражающего воздействия неизбежно и резкое падение боеспособности у уцелевших бойцов. Например, жители Галифакса, пережившие взрыв, в первые часы находились в состоянии тяжелейшего шока и не были способны к каким-либо действиям. Конечно, трудно сравнивать моральное состояние гражданского населения в глубоком тылу и поведение солдат на фронте, – но в Галифаксе деморализованы оказались и военные моряки со стоявших в гавани боевых кораблей. Думаю, что расчистить или хотя бы размягчить таким образом полосу для ввода в прорыв одной танковой дивизии противник сможет. Вопрос в том, как скоро мы успеем закрыть прорыв...

– Попробуйте сыграть за немцев, имея в колоде пять таких козырей, – кивнул на карту вождь.

Борис Михайлович раздумывал недолго – много, очень много бессонных ночей проведены именно над этой диспозицией. Взял карандаш, уверенно изобразил несколько точек, обведенных окружностями – центры ударов и зоны поражения. Затем несколькими штрихами нанес стрелы немецких танковых и моторизованных дивизий, рванувшиеся в глубь советской территории.

– Отбивайтесь, – коротко приказал генсек Жукову.

Импровизированная штабная игра не затянулась: отбиться начальник Генштаба сумел, но потерял значительную часть сил и огромную полосу территории – от двухсот до пятисот километров глубиной. И никаких наступательных действий предпринять уже не мог.

Вождь помолчал, никак не комментируя результаты.

Затем спросил:

– Как вы считаете, Борис Михайлович, будет ли Гитлер начинать войну, имея такой козырь, как урановая бомба, – но не используя его?

– Уверен, что нет. Немцы – народ прагматичный. Их генералы не будут зря бросать своих солдат на убой.

Генсек кивнул. Все складывается один к одному. Несомненно, сведения о том, что урановые бомбы обрушатся на Британские острова – блеф. С Англией фюрер ведет (через псевдопосла Гесса) тайные переговоры. Едва ли они затеяны, чтобы отвлечь внимание от готовящегося чудовищного удара по Британии – в таком случае не стоило бы жертвовать вторым человеком в партии и государстве. Нет, бомбы взорвутся на востоке, над советскими дивизиями... Стратегия Гитлера проста и беспробивна: либо у русских не выдержат нервы при виде изготовившихся к броске танковых групп вермахта, – и Красная Армия начнет не подготовленное, самоубийственное наступление. Либо немцы получат свою урановую кувалду – а как проломить ею фронт, Шапошников продемонстрировал весьма наглядно. Беда у фюрера одна – его кувалда чуть-чуть не доделана. И в ближайшее время война не начнется. Шесть недель, а то и все восемь у Советского Союза в запасе есть... Можно завершить боевое развертывание – и тогда у них тоже найдется, чем удивить бесноватого фюрера.

Когда танковые клинья несокрушимых КВ вспорют фронт, когда в рейхе воцарятся хаос и анархия, один из пяти вновь сформированных воздушно-десантных корпусов захватит секретный объект под Дрезденом – и почти законченные урановые бомбы попадут в руки тех, кто найдет им достойные цели.

Самое сейчас главное – не спровоцировать преждевременное начало войны.

Главное – не спровоцировать...

* * *

Теперь – когда выяснилось, что в мире появилось оружие невиданной, гигантской мощи – Борису Михайловичу стали куда понятнее многие директивы вождя, вызывавшие раньше молчаливое удивление маршала. Так вот зачем генсек с маниакальным упорством расходовал огромные деньги, отрывал от дела лучших людей и лучшую технику, – нащупывая воздушный путь в Америку через Северный полюс. Вот зачем с маниакальным упорством гнал стратонавтов в верхние слои атмосферы...

Теперь эти приготовления, бессмысленные с военной точки зрения, обрели свой смысл. Действительно, что смогут сделать один, два, десять сверхдальних бомбардировщика такой громадной стране, как Америка? Как теперь выяснилось – смогут, и многое. И даже единственный стратостат, недостижимый для зениток и истребителей, – сможет.

Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову многое стало ясно.

Лишь одно: откуда у вождя появилась загадочная папка – старинная, из пожелтевшего картона, явно дореволюционная – Борис Михайлович так и не понял...

Глава четвертая. Аристократы, призраки и Летучие Голландцы

1.

– Как мне к вам обращаться? – поинтересовался после обмена паролем и отзывом Теодор Валевски, «почетный консул» Новой Инквизиции на Ютландском полуострове.

– Можете называть меня Вальдманном, – сказал Лесник.

Он уже пару раз использовал этот псевдоним в заграничных командировках. А настоящей фамилией Лесника не называли давно, очень давно... Коллеги и начальство используют рабочий псевдоним – Лесник, некоторые – прозвище Серый Волк, несколько лет назад полученное с легкой руки Алладина. А для прочего мира – бесконечная череда фальшивых имен и фамилий, вписанных в фальшивые документы... А если правы были предки, думал порой Лесник, когда говорили, что имя есть знак судьбы, – то не разменял ли он свою судьбу на кучу фальшивок?

– Замечательно, господин Вальдманн, – кивнул Валевски. – Буду рад помочь вам, чем смогу. Хотя не очень представляю, в чем может заключаться моя помощь...

В собеседнике Лесника явственно чувствовалась *порода*. Аристократизм человека, ни в малейшей мере не старающегося аристократом *выглядеть*. Безупречная осанка, твердые движения и речь, невзирая на возраст, – а лет «почетному консулу» куда как немало. Далеко за восемьдесят – предположил Лесник без особой уверенности; работавшие на Инквизицию люди зачастую выглядели гораздо моложе, чем полагалось по истинному их возрасту.

Валевски взял кофейную чашечку (разговор происходил на террасе открытого летнего кафе), – простенькое и заурядное вроде движение, но... «Ненужное и даже вредное это дело – аристократический лоск, – сделал неожиданный вывод Лесник. – По крайней мере, для агента, особенно агента-нелегала. Попробуй-ка раствориться, затеряться в общей массе, быть «как все» – если каждый жест будет изобличать в тебе человека высшего круга...»

На вопрос о Юхане Азиди «почетный консул» ответил ожидаемое:

– Нет, к сожалению, с этим господином я никогда не встречался. И даже порекомендовать кого-либо, хорошо его знающего, не могу...

Валевски помолчал, а затем добавил совершенно неожиданное для Лесника:

– Странно, что наши пути никогда не пересекались, ведь у меня более чем широкие и близкие знакомства среди здешних рыбаков...

Действительно, странно. Ну никак не возможно было представить Валевски, пьющего дешевый ром в компании пропахших треской или сельдью матросов...

Наверное, удивление слишком явственно отразилось на лице Лесника, потому что «почетный консул» счел нужным объяснить:

– Занимаясь тем, что я считаю главным делом своей жизни, поневоле приходится плотно общаться с людьми, часто выходящими в море. Впрочем, не только с ними. Собственно, в свое время и с Юзефом Доминиковичем мы познакомились благодаря этому увлечению...

Лесник слушал внимательно. Что за увлечение? Не раз ему приходилось сталкиваться с самодеятельными охотниками за привидениями, полтергейстами и упырями. Впечатления остались самые отрицательные: начитавшиеся дурных книжек и посмотревшиеся дурных фильмов дилетанты, способные лишь испортить дело. Но старый аристократ ничем не напоминал тех великовозрастных детишек.

Валевски не стал понапрасну нагнетать драматичную таинственность. Сделал глоток кофе – крохотный-крохотный – и сказал будничным тоном:

– Я, господин Вальдманн, много лет, даже десятилетий, ищу корабли-призраки. Потому, собственно, и поселился здесь, в Оденсе. Северное море отчего-то особенно богато этими загадками.

Леснику приходилось заниматься многими таинственными явлениями и существами, но «Летучие Голландцы» в их число не входили. У него создалось впечатление, что Контора вообще не интересуется этим феноменом – ввиду полной его безобидности.

Валевски замолчал, явно ожидая реакции собеседника на столь нестандартное увлечение. У Лесника всплыла в памяти одна давняя история, и он сказал задумчиво:

– Странно, но век назад российское правительство занималось именно в этих краях тем же самым – с государственным размахом, не жалея сил и денег. Жаль только, что во главе дела был поставлен провокатор полиции Гартинг, разворовавший и промотавший те самые деньги. Иначе во время охоты на «миноносцы-призраки» в качестве побочного улова вполне могло попасться что-нибудь для вас интересное...

2.

– Гартинг? Провокатор? Разворовал деньги? – Валевски откинулся в легком плетеном кресле и со странной улыбкой посмотрел на Лесника. – Боюсь, господин Вальдманн, ваше мнение об этом человеке составилось исключительно на основе трудов коммунистических историков... Кстати, может быть вам будет удобнее, если наша беседа станет проходить по-русски? Я вижу, как вы порой затрудняетесь подобрать подходящее немецкое слово.

– Не стоит... И без того мое появление здесь привлекло чье-то ненужное внимание... Здесь не Турция, не Кипр и не Канары, где беседующие по-русски люди – самое заурядное зрелище.

Валевски не стал настаивать. И вернулся к теме разговора.

– Гартинг... – повторил он задумчиво. – О, в свое время Гартинг был фигурой! Я даже собирал на него небольшое досье... Потом, правда, бросил – совершенно невозможно определить, что в его биографии правда, а что – вранье. По сути у него имелось несколько биографий, и в некоторых моментах они расходились кардинально. Вплоть до имен, ведь фон Гартинг – не настоящее его имя. И даже не самое первое. Вы знаете, сколько имен у него было? Авраам Мойшевич Геккельман, он же Абрам Ландезен, он же господин Арнольд... Достоверно известно, что в момент убийства императора Александра Второго Абрам Геккельман учился в Санкт-Петербургском Горном институте и арестовывался по подозрению в причастности к заговору «Народной Воли». Выпущен за недостатком улик, продолжил обучение в Дерптском университете... Затем следы его теряются – по некоторым сведениям, выехал за границу. И вот около 1902 года он всплывает в Берлине – уже как Аркадий Михайлович фон Гартинг, коллежский советник и сотрудник российского департамента полиции, начальник секретного отдела по борьбе с терроризмом и политической контрабандой.

– Что, он прямо так и представлялся? – Лесник не смог сдержать улыбки.

– Конечно же, нет. Так он был конфиденциально представлен германской полиции, с ведома которой находился в стране. Обратите внимание на интересную специализацию – борьба с терроризмом и контрабандой. Политической контрабандой, не уголовной, – оружие, взрывчатка, нелегальная литература... Но вернемся к биографии нашего героя. Летом 1904 года, когда готовилась отправка на восток Второй Тихоокеанской эскадры, до русского морского ведомства начали доходить слухи о том, что англичане и японцы готовятся всячески препятствовать ее движению – вплоть до организации прямых диверсий. Так оно было, или нет, – нам теперь не разобрать. Но Главный морской штаб проявил большую озабоченность и обратился за помощью в обеспечении безопасности на пути следования эскадры сразу к двум министерствам – как иностранных, так и внутренних дел. МИД сразу же от этой работы откре-

стился, – послы в Дании, Швеции и Германии заявили, что агентурную работу организовывать не будут. Нелидов, русский посол во Франции, прямо посоветовал обратиться в департамент политической полиции.

– И что же полиция? – подался вперед Лесник.

– Лопухин, начальник департамента полиции, связался с Рачковским, который тогда занимался политическим сыском в Париже. И Рачковский, человек умный и компетентный, порекомендовал для помощи морякам своего берлинского коллегу Гартинга. Далее события разворачивались очень быстро. В начале июля Гартинг прибыл в Копенгаген, где поселился в отеле «Феникс» и развил бурную деятельность. Он неофициальным образом снесся с некими представителями датских властей – в первую очередь, из маячной, лоцманской и таможенной службы, сумел организовать целую сеть постов наблюдения, доставлявших ему информацию обо всех подозрительных судах, появляющихся в Каттегате и Скагерраке. Но самое главное – Гартинг организовал флотилию из рыбацких судов, которая патрулировала в море между Ютландским полуостровом и южной Норвегией, и должна была сообщать обо всех подозрительных судах, появляющихся в море.

– И кого-нибудь она обнаружила? – спросил Лесник с изрядной долей скепсиса в голосе.

– Представьте себе, да. В один из дней сентября зафрахтованная Гартингом шхуна «Эллен» видела в море два корабля, похожие на миноносцы. Отметим, это было днем, хотя и туманным, а профессиональные моряки из экипажа шхуны вряд ли бы могли спутать очень характерный силуэт тогдашнего миноносца с каким-нибудь другим судном. Вы представляете себе миноносец того времени? Длинный узкий корпус с острым носом, черепахообразная палуба – она тогда называлась «карапасом», короткая мачта и очень низкие, заливаемые водой надстройки.

– А это не мог быть миноносец какой-нибудь из соседних стран – Норвегии, Швеции, самой Дании в конце концов?

– Нет. Гартинг работал очень тщательно. Он подготовил сводку, из которой следовало, что все датские миноносцы в тот день находились либо в портах, либо далеко на севере, шведские же не проходили через проливы...

– А норвежские?

– Хе-хе. К вашему сведению, молодой человек, в 1904 году еще не было такой страны – Норвегия. Она получила независимость от Швеции только год спустя. А выходы из Осло-фьорда или Бергена тоже контролировались людьми Гартинга.

– Англия, Германия? Франция, в конце концов...

– Вы опять забываете, что это было начало двадцатого века. Предельная дальность тогдашнего эскадренного миноносца – тысяча с небольшим миль. Дойти до северного побережья Дании и вернуться обратно самый лучший английский либо германский миноносец мог лишь с промежуточной бункеровкой в самой Дании – а это не могло укрыться от агентов Гартинга. Конечно, отбункероваться можно было и в море, с заранее подготовленного парохода, – но такая операция сама по себе может считаться крайне подозрительной.

Поначалу Гартинг решил, что японцы купили у шведов какой-то старый миноносец – все новые или строящиеся были на виду. Он донес об этом в Санкт-Петербург – и получил приказание усилить контроль за выходом из проливов. Но таинственные миноносцы канули неизвестно куда: никто их больше не видел, в ближайших портах агенты Гартинга тоже не смогли собрать никаких сведений – корабли будто растворились в тумане. Ну, а дальнейшую историю вы знаете – Гульский инцидент, неизвестные миноносцы, атаковавшие русскую эскадру в районе Доггер-банки, ответная стрельба, гибель нескольких рыбацких суденышек и грандиозный международный скандал.

– Да, это известная история... – Лесник поднялся с кресла, разминая плечи. – Но, насколько я помню, никаких свидетельств о явлении таинственных миноносцев предъявить не удалось.

– Почему же? Не-ет, все было гораздо интереснее. Вам не кажется, что скандал закончился слишком быстро и слишком мирно? Россия всего лишь выплатила шестьдесят пять тысяч фунтов стерлингов семьям погибших и пострадавших. А ведь поначалу англичане требовали задержания и интернирования всей эскадры Рождественского. Адмирал Бересфорд даже запрашивал Адмиралтейство – потопить русских или доставить под конвоем в Портсмут? И вдруг все заканчивается пшиком: заседавшая в Париже международная следственная комиссия заявляет, что никаких миноносцев на месте трагедии не было – но тем не менее выносит вердикт о невиновности русского командования. Не кажется ли вам странным такой поворот дела?

– Что, агентов Гартинга все же допросили?

– В том-то и дело, что нет! Представитель России в суде адмирал Дубасов предъявил следственной комиссии их показания, но комиссия пожелала допросить свидетелей лично. Их доставили в Париж, однако на заседании комиссии эти люди так и не появились. Подозреваю, что они все-таки беседовали с членами комиссии в неофициальной обстановке – но когда и о чем, выяснить уже невозможно. Кстати, интересна дальнейшая судьба нашего героя. В ноябре дежурство в Проливах было свернуто, и фон Гартинг вернулся в Берлин к своим основным обязанностям. Вскоре он был произведен в статские советники, награжден орденом и сменил Рачковского на посту начальника всей русской тайной полиции за границей. Соответственно новой должности он перебрался в Париж – и вот тут-то новоиспеченного генерала настигли серьезные неприятности... Некто Бурцев – эсер-журналист, мнивший себя «охотником за провокаторами» – слил во французскую прессу информацию: дескать, Аркадий Михайлович Гартинг на самом деле является Абрамом Ландезеном, главарем русских бомбистов, готовивших покушение на Александра Третьего и арестованных в Париже в мае 1890 года, – причем главарем-провокатором, выдавшим всю организацию. Разразился громкий скандал, Гартинг вынужден был срочно вернуться в Россию. А затем свободная пресса припомнила ему и «миноносцы-призраки» – разворовал, мол, все выделенные средства и пугал правительство высосанными из пальца страшилками... Байку эту радостно подхватили советские историки – и она жива до сих пор. Карьере Аркадия Михайловича обвинения и инсинуации не помешали – был произведен в тайные советники – но за границу он больше не выезжал, по крайней мере, под этим именем. Служил в департаменте полиции, был начальником отделения, по некоторым данным – тесно контактировал с Инквизицией – с церковной, с Десятым присутствием Синода. Бесследно исчез после Февральской революции. Вот и все, что я могу про него сказать.

«Все это, конечно, интересно, – подумал Лесник, – но никакого отношения к делу не имеет... Загадочные «миноносцы-призраки», Гартинг, – неважно, был ли он авантюристом и провокатором, или патриотом Империи. Какая тут связь с Юханом Азиди? Ни малейшей».

– У меня есть к вам просьба, господин Валевски. Даже две.

– Рад буду помочь.

– Постарайтесь все-таки разузнать через ваших знакомых рыбаков всё, что можно – о Юхане Азиди и о его бизнесе. Как я понимаю, у вас громадный опыт в распутывании исторических неясностей, шероховатостей... Полагаю, что он вполне применим и к современной жизни. Если что-то покажется вам *неправильным*, не стыкующимся с имиджем заурядного бизнесмена – немедленно свяжитесь со мной.

– Сделаю все, что смогу. Но вы упомянули *две* просьбы...

– Вторая проще. Есть ли при здешнем порте какое-либо заведение, где собираются вернувшиеся из моря рыбаки? При чем мне хотелось бы явиться туда, заручившись вашей рекомендацией, чтобы не выглядеть чужаком, при котором все держат рот на замке.

– Есть, пожалуй, подходящее для ваших целей местечко... Хозяин изображает просоленного под всеми широтами морского волка, хотя в море бывал лишь туристом. Только, Бога ради, не скажите ему это – на всю жизнь обидится.

3.

– Пожалуйста, не делай изумленное лицо, – попросила Диана. – И не вздумай травить идиотские анекдоты о блондинках!

Имидж она поменяла кардинально: цвет и длина волос, одежда, походка и жесты, – всё другое. Пожалуй, теперь соглядатаи из «форда-седана» не сумеют опознать пассажирку задрипанного «фиата»...

Хотя их, соглядатаев, не видно и не слышно. По крайней мере, Лесник, отправляясь на встречу с Валевски, на предмет слежки проверился весьма тщательно, но ничего подозрительного не заметил. Конечно, эшелонированную и оснащенную самой современной техникой «наружку» – окажись вдруг такая в Эсбьерге – засесть практически невозможно. Но в таких случаях Лесник привык полагаться на свое редко подводившее чутьё, а оно докладывало: всё чисто...

– В библиотеке управилась быстрее, чем планировала, – объяснила Диана, поняв, что анекдоты про блондинок не прозвучат. – Компьютеризация библиотечного дела добралась и сюда, не пришлось рыться в пыльных подшивках, выискивая упоминания об Азиди. Запустила поиск – и, пожалуйста, результаты на экране. Нажала клавишу – и тут же всё переведено на английский. В общем, нашлось время немного заняться собой.

Похоже, она ожидала комплиментов своей новой внешности. Но Лесник спросил о главном:

– Отыскала что-нибудь интересное?

– Почти ничего... В колонках здешней, с позволения сказать, светской хроники за последние несколько лет регулярно появлялись упоминания о чете Азиди, присутствующей на тех или мероприятиях. Но в последние полгода он отчего-то прекратил выезжать в свет и принимать гостей, живет очень уединенно.

– Не иначе как просветление на него снизошло, – буркнул Лесник. – Ударился в религию предков по отцовской линии. Фру Азиди в чадре в эти полгода кому-нибудь на глаза попадалась?

Диана шутку никак не оценила, сухо продолжив излагать добытую информацию:

– В разделе «Происшествия» – два или три случая аварий его судов: ничего серьезного, траулеры не тонули, люди не гибли... Но один факт, достаточно свежий, тебя наверняка заинтересует. Тебя ведь ничего, кроме нашего арабо-датчанина, не интересует.

И она демонстративно замолчала.

– Тебе очень к лицу светлый цвет волос, – вздохнул Лесник. – И этот брючный костюм... И вообще ты стала похожа на принцессу Диану...

– Ну наконец-то... Ладно, слушай: не далее как месяц назад у Юхана Азиди дела пошли неожиданно хорошо – увеличил свою флотилию маломерных судов чуть ли не втрое. Было пять траулеров – стало четырнадцать. И это при том, что рыбный бизнес здесь фактически умирает. Что скажешь?

Ну что тут сказать... Четырнадцать плавсредств. Надо понимать, четырнадцать непонятных приборов из контейнера – для них...

– Значит, Азиди не посредник, – медленно сказал Лесник. – Настоящий получатель, – по крайней мере, технической части груза. И груз этот может оказаться вовсе не по нашему профилю... Представь: друзья-мусульмане в России умыкнули для Юхана какое-либо ноу-хау, конверсионную разработку, пригодную для коммерческого использования... Например, аппа-

ратуру, способную обнаруживать как подводных диверсантов, так и рыбы косяки в Северном море...

– Сам-то в такое веришь?

Лесник не верил.

4.

Длившееся почти двое суток посменное наблюдение за двухэтажным особняком Юхана Азиди позволило установить один-единственный факт: арабо-датский судовладелец – человек весьма скрытный. Что, конечно же, криминалом не являлось, но на определенные размышления наводило.

Из дома господин Азиди выходить не желал категорически, равно как и принимать у себя посетителей. Три попытки лично встретиться с ним якобы по вопросам бизнеса тоже успеха не имели – весьма крупные и заманчивые коммерческие предложения, рассмотрением коих, по мнению Лесника, должен был заниматься сам глава фирмы, немедленно переадресовывались вице-директору.

Ну и как в таких условиях выйти на дистанцию, необходимую для допроса с применением активной суггестии?

Единственный выход – заявиться в дом абсолютно незваными гостями и привести телохранителей и охранные системы в состояние, не позволяющее помешать вдумчивой беседе с хозяином.

Похожий план действий Лесник предложил в отправленном Юзефу рапорте. Но обер-инквизитор в ответном послании категорически запретил подобную самодеятельность.

Случись такое в старое доброе время, когда Лесник работал в одиночку, – он бы, пожалуй, рискнул нарушить запрет. Победителей не судят... Но Диана куда более дисциплинированно относилась к директивам начальства. Не зря, ох не зря обер-инквизитор определил ее в постоянные напарницы излишне своевольному подчиненному...

Придется подбираться к господину Юхану медленно, осторожно, сужающимися кругами, – словно акулы к качающейся на волнах жертве кораблекрушения. Вот только бы не оказались у этой «жертвы» зубки подлиннее, чем у морских хищниц.

5.

От кого – в незнакомом городе и незнакомой стране – можно узнать подробности из жизни весьма скрытного владельца и по совместительству директора небольшого рыбодобывающего предприятия? Подробности, не освещаемые газетной хроникой? От его подчиненных, разумеется.

Когда подчиненные охотнее всего перемывают косточки начальству? Естественно, в процессе совместного потребления горячительных напитков.

Где оное потребление чаще всего имеет место? В ближайших от места работы или службы питейных заведениях.

Таков закон жизни, и не важно, происходит ли дело в России или на загнивающем Западе, много десятилетий формировавшем принципы корпоративной этики...

Подобными рассуждениями руководствовался Лесник, направившись в расположенную в непосредственной близости от Эсбьергского рыбного порта забегаловку. Впрочем, выглядело заведение, именовавшееся «У Старого Боцмана», вполне прилично.

Над стойкой возвышался рыжебородый мужчина – и его роскошная борода отчего-то показалась Леснику приклеенной.

– Да, я и есть старый боцман, – подтвердил мужчина и демонстративно поправил висящую на груди латунную боцманскую дудку. – А вам нужен кто-то еще?

– Нет, Теодор Валевски направил меня именно к вам.

– Старина Тео? – оживился боцман с дудкой. – Давненько не видал его... И как он поживает? Все ищет свои призраки?

– Превосходно поживает! – улыбнулся Лесник. – Дай Бог всем нам так поживать в его годы... И призраки ищет, как же без этого?

– Да, вот и я всегда говорил своей жене Яне: если человек чем-то так увлечен, то это навсегда, до могилы...

Коли уж речь зашла о жене, решил Лесник, – некое взаимопонимание достигнуто. (Интересно, какая она, Яна Боцман? Небошь, этакая белокурая валькирия, настоящая боевая подруга викинга...) И сказал:

– Валевски говорил, что именно в вашем заведении я могу узнать кое-какие подробности об одном человеке. О Юхане Азиди.

Бармен пожал плечами.

– Что-то все подряд стали интересоваться этим красавчиком...

– Меня кто-то опередил? – Лесник постарался изобразить тревогу на лице. – У нас с компанией господина Азиди назревает крупная коммерческая сделка, и конкуренты совсем нежелательны. Не припомните, кто именно занимался расспросами?

– Визитку он мне не вручал, – вновь пожал плечами бармен. – И приветов от Валевски, кстати, не передавал... Поэтому я сказал ему чистую правду: Юхан Азиди у меня не выпивает, так что и говорить не о чем. А кто такой, откуда, – понятия не имею. По-датски говорит, но нездешний, судя по выговору – немец.

– А-а-а, вот оно что... – понимающе протянул Лесник, ровным счетом ничего не понявший. И кивнул – дескать, они самые, конкуренты проклятые...

– На какой машине он приезжал, не заметили?

– Не заметил...

– И давно это было?

– Да недавно совсем, двух месяцев не прошло.

М-да... Несколько иной темп жизни в глухой провинции, слишком мало событий происходит – и два месяца для здешних обывателей «совсем недавно».

Так что же за «конкуренты» интересовались господином Азиди? Не шустрые ли ребята из серого «форда»? Лесник задал Боцману еще пару вопросов, но ответы ничуть не прояснили дело. Затем вновь вернулся к главной цели своего визита. Оказалось, что в последние две недели к Старому Боцману каждый вечер навещается некий оставшийся без работы моряк – до недавнего времени служивший старшим помощником на одном из судов Азиди.

Ну что же, если бывший старпом обижен на бывшего своего хозяина – источник информации идеальный. А судя по всему, так оно и есть, – не просто найти работу в умирающем бизнесе, да еще в середине сезона.

– Все его называют папаша Колен, – пояснил Боцман. – И вы будете называть, как только разопьете с ним бутылочку. Пока присаживайтесь, закажите чего-нибудь, скоро он должен заявиться.

Па-а-анятно. Для любого бармена любой перешагнувший порог бара человек в первую очередь потенциальный покупатель, от кого бы ни передавал приветы.

– Что будете брать – пиво, коктейль или что-нибудь покрепче? Кстати, у нас прекрасный выбор водки. Прямая поставка из России! – Боцман с гордостью указал рукой на полку за спиной. Там громоздилась целая батарея бутылок самых причудливых форм, оснащенных яркими крикливыми этикетками – «Rasputin» и просто «Putin», «Yeltsin», «Smirnoff», «Zjaganoff» и что-то еще. На каждой этикетке красовалась соответствующая физиономия.

Поколебавшись, Лесник выбрал «смирновскую» и стал ждать папашу Колен. Не самое скандинавское имя, кстати. Больше похоже на французское. Впрочем, Велевски говорил, что составы экипажей здешних рыболовных судов весьма интернациональны – кроме собственно датчан, хватает жителей других скандинавских стран, немцев, британцев, поляков, голландцев... Языковой барьер встать перед Лесником не мог, любой местный рыбак способен объяснить на немецком или английском.

Время шло. «Смирновская» медленно убывала. Число посетителей, наоборот, увеличилось. Но папаша Колен упорно не желал появляться на горизонте и объясняться с Лесником на немецком или английском. Равно как и на французском, которым Лесник вообще-то не владел...

Наконец к его столику подошел Боцман, только что о чем-то поговоривший с компанией сидевших в углу рыбаков.

– Старина Колен, похоже, задерживается... – сказал он. – Странно, в последнее время по нему можно было часы проверять. Но сейчас к вам подсядет парнишка, Мартин, плававший вместе с Коленом, и вместе с ним списанный на берег. И расскажет для начала одну историю – он ее в последнее время всем подряд рассказывает. Вы не обижайтесь, но я сказал, что выпивка за ваш счет.

...Мартин оказался совсем молодым, лет двадцать с небольшим, и юношеское его лицо было густо усыпано веснушками. А история его звучала так:

– Все началось с того, что тем вечером мне абсолютно не шла карта...

6.

Ходовую рубку освещал лишь мертвенный, зеленоватый свет радарного экрана и тускло перемигивающиеся лампочки на пульте автоштурмана. Ночью в открытом море от вахтенных требовалось только следить за показаниями приборов. Да и то не каждую секунду.

– Бью короля, – спокойно сказал старший помощник, отзывавшийся, не чинясь, на прозвище «папаша Колен».

Мартин принялся перебирать свои карты – хотя было их всего три.

– Да не мучайся ты так! – сочувственно улыбнулся папаша Колен. – Лучше сразу лезь под стол. И учти, кукарекать тебе пятнадцать раз.

Мартин с грустью посмотрел на низкий штурманский столик, места под которым могло хватить только для него. Старпом туда никогда бы не поместился. Возможно, именно поэтому он ни разу и не проигрывал. Обреченно вздохнув, Мартин выбрал карту и положил ее на стол. Папаша Колен хищно прищурился и собрался что-то сказать, как вдруг в рубке раздался пронзительный писк.

Карты тотчас были забыты. Оба вахтенных бросились к экрану локатора.

– Кажется, что-то дрейфует... Прямо у нас по курсу, – пробормотал папаша Колен и положил правую руку на рукоять машинного телеграфа. Мартин вытянул шею и заглянул ему через плечо. Действительно, бегущий по кругу луч раз за разом высвечивал небольшое пятнышко.

– Что-то очень маленькое. Наверное, шлюпка. Или просто кусок льда, – с видом знатока сказал он. Папаша Колен покосился на Мартина и усмехнулся, а затем взял в руки микрофон рации и одним движением левой руки переключился на аварийную волну:

– Говорит «Лизетт», датское рыболовное судно. Наш позывной SQ-23. Ответьте нам, пожалуйста.

Но в эфире царил молчание, нарушаемое лишь слабым шорохом и потрескиванием. Папаша Колен подождал несколько секунд, потом повторил:

– Говорит «Лизетт», наш позывной SQ-23. Если вы терпите бедствие, ответьте нам, пожалуйста.

Ноль реакции. Может быть, и вправду льдина. Да нет, отметка на экране как от металлического предмета. Выждав еще несколько секунд, папаша Колен рванул вниз рукоять машинного телеграфа.

– Стоп, машина! – и, обернувшись к Мартину, коротко приказал: – Поднимайся наверх, включай прожектор. Через пару минут они будут в двух-трех кабельтовых по правому крамболу.

...Луч прожектора несколько раз метнулся вправо-влево по темной воде, пока не нащупал белую шляпку. Шляпка явно не была пустой – даже с расстояния в четверть мили в ней виднелись силуэты людей.

На палубе траулера уже царило оживление. Четверо матросов сгрудились на правом борту, готовясь швырнуть в шляпку конец.

– Странная посудина, в жизни такой не видел, – негромко сказал Мартин.

Папаша Колен его не услышал – он всю распоряжался на ходовом мостике: отдавал команды в переговорную трубу и шуровал рукоятками машинного телеграфа. Подрабатывая машиной на самых низких оборотах, траулер медленно приближался к шляпке с терпящими бедствие.

– Эй, на баркасе! Ловите конец! – крикнул кто-то из матросов, когда до шляпки осталось не более двадцати метров. Матрос размахнулся – и брошенный им канат с первого раза попал в шляпку. Тотчас чьи-то руки подхватили его и намертво закрепили. Матросы на палубе «Лизетт» начали споры выбирать канат, и вскоре сопровождаемая лучом прожектора шляпка стукнулась о борт траулера.

– Как там у вас? Есть раненые на борту? – крикнул кто-то из моряков, перегнувшись через леера и попытавшись заглянуть в шляпку – О, Господи, что это такое и откуда?

Теперь в его голосе звучал неподдельный ужас.

Грохоча железными ступеньками, папаша Колен спустился с мостика. Лица матросов на палубе были белы, как мел. Мартин на прожекторной площадке прямо-таки пританцовывал от нетерпеливого желания узнать, что же произошло, – но покинуть свой пост без приказа не решался. Старпом тоже перегнулся через борт и заглянул в лодку.

С первого взгляда было ясно, что это мертвецы. Причем мертвецы жуткие, более всего напоминающие усохшие скелетоподобные мумии. Лодку шевельнуло волной, и в ярком луче прожектора на плечах у одного из мертвецов что-то блеснуло.

Нет, это не волна качнула лодку – это пошевелился сам мертвец. Медленно, будто в страшном сне или в фильме ужасов, он привстал. Судорожно поднял руку и оперся о плечо другого мертвеца. Затем с трудом перешагнул через банку и потянулся к спущенному с борта «Лизетт» веревочному трапу. Сбросивший трап матрос дернулся было вытянуть его обратно, но труп поднял вверх голову, запрокинув белое в луче прожектора лицо...

– Я лейтенант Говард Харпер, – тихо произнес мертвец. – Какой сейчас год?

И он снова оплыл на дно шляпки.

Глава пятая. Святой Брендан – человек и госпиталь

1.

На табло над дверью лифта загорелась цифра «5». Было слышно, как кабина остановилась, затем дверцы бесшумно разъехались, выпустив в холл реанимационного отделения госпиталя святого Брендана нескольких пассажиров. Диана шла самой последней. Лесник, уже полчаса как отиравшийся у окна, бросился к ней.

– Наконец-то! Я уж совсем было решил, что придется пробираться к Харперу без тебя. А ты ведь знаешь, что в медицине я – полный ноль.

Диана огляделась по сторонам, потом отошла к окну и с облегчением поставила на пол тяжелую сумку. Вздыхнула и укоризненно посмотрела на напарника.

– Лесник, я всегда знала, что ты немного сумасшедший. Но не настолько же! Зачем тебе этот несчастный, вообразивший себя пришельцем из будущего? Разве его случай может иметь отношение к нашему делу?

Лицо Лесника сделалось виноватым. Слегка. Он пожал плечами:

– Юзеф посчитал, что может. И не просто может – наверняка имеет. По крайней мере, утром я получил его распоряжение: немедленно разобраться с лейтенантом Харпером – если он действительно лейтенант и действительно Харпер. А когда Юзеф говорит «немедленно», значит...

– ...значит, всё должно было сделано еще вчера, – закончила за напарника Диана. – А ведь он знал, что именно минувшей ночью в Эсбьерг приходит контейнер.

– Что с контейнером, кстати?

– Никаких подозрительных телодвижений Юхан не совершал. Контейнер получил, приборы сгрузил на свой склад, литературу упаковал в другой контейнер, куда меньших размеров – металлический водонепроницаемый ящик. Не лично получил и упаковал, понятное дело, – руками своих подчиненных. Сам на складе так и не появился. Любопытно, кстати, что склад не на территории порта, что было бы вполне логично, а на городской окраине, подальше от сторонних глаз. И сидит наш арабо-датчанин по-прежнему тихо. Никаких посторонних поблизости не замечалось... Я сегодня утром немного поработала с двумя клиентами – с сотрудницей офиса Азиди и с охранником его склада: как только наметятся какие-либо сдвиги, у них возникнет непреодолимое желание мне позвонить.

– Отлично. Можно без помех заняться Говардом Харпером.

– Да откуда он вообще свалился на нашу голову?!

Лесник пожевал губами и задумчиво посмотрел в окно. С шестого этажа (датчане именовали его пятым) открывалась замечательная панорама: сбегаящие к морю зеленые склоны холмов, освещенные ярким полуденным солнцем, крыши старых домов в портовой части города. Чуть дальше громоздились стрелы портовых кранов, мачты судов; за ними, на противоположной стороне пролива, темнели покатые холмы острова Фанё.

Он отвернулся от окна и посмотрел на Диану.

– Да, ты ведь совсем не в курсе этой истории... Я не стал передавать тебе рассказ юноши Мартина, бывшего свидетелем ее завязки, – решил тогда, что никакого отношения она к делу не имеет. Так вот, две недели назад в Северном море, немного восточнее Доггер-банки, судном нашего друга Азиди была подобрана шлюпка с военными моряками, якобы спасшимися с боевого корабля. Уточняю – с американского корабля.

– И один из них свихнулся от длительного стресса, – скептически прищурилась Диана. – В чем задача? Я должна его вылечить? Или выведать секреты ВМФ США?

– Дело в том, что никаких штатовских кораблей в здешних водах не гибло, – терпеливо пояснил Лесник. – Последние лет десять, как минимум.

Вопросительный взгляд Дианы был красноречивее всякой реплики. Но Лесник невозмутимо продолжил:

– В шлюпке находилось восемь человек. Семь трупов и один живой – лейтенант Говард Харпер. Сейчас он находится здесь, в реанимации. Я приложил немалые усилия, чтобы нам дали возможность посетить его, – впусую. Охраняют, как Саддама Хусейна. Надеюсь, у тебя получится... Задача: попытаться поговорить с этим человеком. Или хотя бы взглянуть на него и на его историю болезни, разузнать хоть какие-нибудь подробности случившегося. Ну и, естественно, выяснить, что думают по этому поводу врачи.

– А почему не ты? Зачем тебе понадобилось тратить несколько часов, чтобы дождаться меня?

Лесник снова вздохнул.

– Диана, не забывай, что мы не в России. Инквизиция имеет свои каналы, благодаря этим же каналам мы сейчас находимся здесь. Но, как ты понимаешь, даже удостоверения ФСБ тут абсолютно бессильны, – Лесник вздохнул и покосился на маячившего в другом конце холла мрачного парня в штатском. На груди у того висела портативная рация, а полу пиджака оттопыривала поясная кобура явно с чем-то крупнокалиберным.

– У меня есть пропуск, выписанный муниципальной канцелярией, – продолжил он. – Пропуск в госпиталь, но отнюдь не на отделение, где лежит Харпер. А возле его палаты еще отдельный пост – пятеро американских морпехов из охраны посольства в Дании. Но поскольку все наши контакты шли помимо официального МИД, никаких виз из Копенгагена – обязательных для иностранцев – на документе не имеется. То есть если кому-то придет в голову усомниться в наших полномочиях, он будет иметь полное право выставить нас за дверь. Но ты – именно ты – пройдешь сквозь все кордоны. Словом, вот этот пропуск. Держи его и попытайся раздобыть максимум информации.

С этими словами Лесник открепил от лацкана костюма закатанную в пластик карточку и протянул Диане. Та повертела документ в руках, после чего прикрепила на свой пиджак. Нагнулась, раскрыла дорожную сумку и вынула из нее тонкую папку с неразборчивым золотым тиснением. Затем нацепила на нос очки без диоптрий.

– Так будет солиднее. Ну, я пошла.

– Ни пуха тебе, доктор Диана!

– К черту!

2.

Как выяснилось, все опасения Лесника не имели ни малейших оснований. Чтобы добраться к палате, занимаемой Говардом Харпером, Диане не потребовались ни грубые силовые методы, ни тонкое лицедейство... Даже ее суггестивные способности остались невостребованными.

Причина была проста: палата Харпера опустела. Птичка упорхнула, причем упорхнула в самом буквальном смысле. Вертолет, принадлежавший ВМФ США, взлетел с крыши госпиталя полчаса назад, и увез лейтенанта в компании его соотечественников. Диана, подъезжая, слышала шум вертолетного двигателя – но тогда не обратила внимания.

– Вы уверены, что это был действительно лейтенант Говард Харпер? – Диана оторвалась от созерцания опустевшей реанимационного стола и повернулась к медбрату. Парень в салатно-зеленом костюме с эмблемой госпиталя пожал плечами.

– По крайней мере, так было написано у него на именном жетоне.

– И это единственное, по чему удалось его опознать? Нашлись еще какие-нибудь документы у него или его коллег по несчастью?

Парень заинтересованно взглянул на Диану. Он вообще посматривал на нее с большим интересом, но с некоторой робостью – наглядно опровергая слухи о сексуальной раскрепощенности молодежи Запада. Возможна, «доктор из России» могла напоминать ему молодую школьную учительницу, в которую в старших классах был безответно влюблен Юхан – если верить прикрепленному к салатной куртке бейджу, старший медбрат реанимационного отделения оказался тезкой господина Азиди.

– Нет, ни единого документа не нашлось, – сказал Юхан, – ни у живого, ни у мертвых... Слышал краем уха, что у Харпера была с собой какая-то папка с бумагами, но увидеть ее не довелось. Думаю, на нее тоже наложили лапу американцы.

– Что вы еще предприняли для идентификации больного?

– Ну, мы отправили запрос в США, в ВМФ. Они очень удивились, но составили для нас справку. Лейтенант Говард Харпер не числится в их списках. Самозванец... Удивительный самозванец.

– А потом, как я понимаю, американские моряки признали-таки блудного сына... – медленно сказала Диана, произнеся про себя окончание фразы чуть иначе: «...блудного сына лейтенанта Шмидта». Хотя Юхан, похоже, и без того не понял скалькированную с русского идиому. Книга книг явно не числилась у него настольной.

– Нет, про родителей Харпера в их ответе ничего не было сказано... Из Копенгагена прилетела какая-то мелкая сошка из американского посольства – младший секретарь седьмого помощника третьего заместителя военно-морского атташе. Повертелся в госпитале, поглядел на больного – и упорхнул обратно. А пять дней назад как прорвало – толпа янки, и в форме, и в штатском, даже морскую пехоту с собой притащили... Прямо-таки не пройти было по родному госпиталю. Сегодня, слава Богу, все закончилось.

Диана рассеянно пролистала тощую историю болезни Говарда Харпера (запоминая, однако, каждую страницу с фотографической точностью), затем вновь посмотрела на опустевший стол, коснулась пальцами его края, закрыла глаза, сосредоточилась...

... Теперь стол не пуст: на нем лежит человек – тело прикрыто белой простыней, голова замотана бинтами, из носа тянется прозрачная трубка, по которой струится жидкость. Такие же трубки выбегают из-под простыни, а под кроватью негромко жужжит моторчик насоса. Жизнь человека поддерживается десятком хитроумных внешних механизмов...

Ее транс продолжался не дольше пары секунд – Юхан не успел удивиться или встревожиться – и не принес особых результатов. Даже, случись вдруг неожиданная встреча, не опознать экс-пациента госпиталя святого Брендана...

Казалось, медбрат хочет что-то сказать, но не решается. Наконец решился, но прозвучал отнюдь не вопрос, чем «доктор Мария Ладыгина» собирается заняться сегодня вечером.

– Вы знаете, я немного разбираюсь в военной атрибутике... – сказал Юхан. – В основном интересуюсь немецкой, но и про другие страны кое-что знаю. Не нравится мне форма, что сняли с этого якобы Харпера. Очень похожа на настоящую, но... фасон чуть-чуть иной, и шевроны несколько меньше по размеру, и пуговицы не такие, и обшлага рукавов на липучках... Странно. Если хочешь изобразить штатовского военного – так ихней формы в Копенгагене, в магазинчиках на Стрёгет, навалом. Можно хоть моряком нарядиться, хоть летчиком, хоть «зеленым беретом» – с полной достоверностью. И дешевле выйдет, чем шить мундир заново, да еще и с погрешностями в деталях. Вы представляете, сколько стоит отштамповать уникальные металлические пуговицы для такого мундира?

Юхан замолчал, словно давая Диане возможность поразмыслить над дороговизной пуговичного производства. Потом продолжил:

– Да и жетон этот... Раньше всегда на них выбивали вероисповедание и номер страхового свидетельства военнослужащего, а на этом – нет. Имя, звание, группа крови, – и всё. Причем жетон не алюминиевый, как положено, а пластмассовый... Пластик, по-моему, ферромагнитный – но магнитную запись информации для флотских жетонов никогда не использовали, слишком легко можно ее повредить на корабле, особенно во время боевых действий. Стереть, размагнитить... Или штатовцы в последние год-два придумали более надежные магнитные носители, или... – Юхан не закончил свою фразу.

«Или в американском флоте есть подразделения настолько засекреченные, что про них ничего не известно ни отделу по связям с общественностью, составлявшему отписку для госпиталя, ни военно-морскому атташе США в Копенгагене, – подумала Диана. – Подразделения со своей формой, со своей атрибутикой... Но пуговицы-то для них зачем клепать новые? Нелепица...»

Она спросила:

– Где этот жетон сейчас?

– Забрали американцы... Кстати, группа крови у больного полностью совпадала с указанной на жетоне группой крови лейтенанта Харпера. Правда, с кровью у него творилось что-то неладное. По-моему, даже доктор Вульфсен оказалась в затруднении...

– Это кого тут интересуют мои затруднения? – раздался сзади женский голос. Диана и медбрат синхронно обернулись. В дверях палаты стояла невысокая полноватая женщина лет сорока пяти, в таком же салатно-зеленом медицинском одеянии. Портрет дополняли прямые светлые волосы и цепкие серые глаза. В глазах пылал настороженный огонек.

– Кто вы такая и как сюда проникли? – этот вопрос был обращен к Диане. Та как можно более мило улыбнулась, сняла с лацкана допуск и протянула доктору Вульфсен.

Встретилась с недоброжелательным взглядом серых глаз, *зацепилась*, дала первый легкий мысленный посыл – сейчас эта церберша *увидит* все недостающие на документе печати и подписи... Говорила Диана спокойно, размеренно, чтобы не позволить собеседнице взвинтить себя, выплеснуть в кровь гормоны, разорвать ментальный контакт.

– Я Мария Ладыгина, врач из России. Меня к вам направили на стажировку, а этот случай меня очень заинтересовал. Скажите, доктор, исследования состояния внутренних органов Харпера...

– Ваш документ недействителен, – перебила доктор Вульфсен, удостоив запянную в пластик карточку лишь беглого взгляда. Лицо ее сразу же стало еще более подозрительным. – Что вы здесь делаете?!

Не сработало... Непонятно почему, но первая попытка внушения не оказала действия... Попробуем иначе.

Последний вопрос фру Вульфсен прозвучал излишне громко и резко. Услышав его, маячивший в коридоре охранник госпиталя – здоровенный детинушка с внушительной кобурой на поясе – тут же возник на пороге реанимационного бокса. Ситуация обострялась.

– Извините, а вы кто? – тоном наивной студентки осведомилась Диана, постаравшись, чтобы в голосе прозвучали обида и удивление.

– Я доктор Сара Вульфсен, заведующая отделением интенсивной терапии госпиталя святого Брендана. И у нас нет никаких стажеров. Поэтому вы сейчас же отдадите мне историю болезни, которую держите в руках, и как можно быстрее покинете госпиталь, пока я не попросила полицию вас арестовать!

Вот еще, фыркнула про себя Диана. Только-только началось самое интересное... И сказала самым примирительным тоном:

– Да, конечно же. Но сначала вы расскажете мне всё, что не вошло в историю болезни Говарда Харпера.

На сей раз ментальное воздействие оказалось на порядок сильнее.

3.

Лесник ожидал ее у окна, глядя на панораму города и нетерпеливо барабанил пальцами по переплету. На стук каблуков Дианы он резко обернулся, сказал:

– Я уже в курсе, что американцы улетели вместе с Харпером... Мог бы узнать и раньше, если бы владел датским, слухи тут быстро распространяются. Ты что-нибудь сумела выяснить о его болезни?

– самого интересного не смогла... Твоего допуска оказалось недостаточно, а когда я начала задавать вопросы, меня пригрозили сдать в полицию!

– Прямо так вот сразу и в кутузку – всего лишь за невинное научное любопытство?

– Именно так. Лечащий врач, суровая нордическая женщина, вполне серьезно собралась вызвать полицейских, если я сейчас же не покину помещение. Поскольку здешний охранник маячил у нее за спиной – с пушкой на поясе и переносным «тревожным пультом» на груди, я решила не доводить дело до скандала...

Лесник не поверил:

– Тихо-мирно ушла? Ничего не предприняв?

– Попыталась предпринять... Но у фру Вульфсен или стоит мощный гипноблок, противодействующий внушению, или достаточно редкая врожденная сопротивляемость.

– Волчья дочь, что ты хочешь... – не совсем точно перевел Лесник фамилию церберши в белом халате (вернее, в салатной униформе св. Брендана).

– Но хоть что-то про лейтенанта Харпера тебе все же удалось разузнать?

– Да. И даже пролистать его историю болезни. Крайне странный документ, надо сказать. Разнобой в результатах анализов и функциональной диагностики наводит на мысль, что вся история – фальшивка. Но если надергали кучу бумажек из карточек разных больных, чтобы задурить посторонним голову, – зачем тогда госпожа валькирия буквально выдрала папку у меня из рук?

– В чем именно выражается разнобой? – заинтересовался Лесник.

– Да просто не бывает так: моча как у восемнадцатилетнего юноши, не имеющего проблем со здоровьем, и при этом кровь глубокого старца, подверженного куче застарелых хворей... Есть и другие противоречия, не буду утомлять тебя медицинскими подробностями, поверь уж на слово – НЕ БЫВАЕТ.

– Отчего умерли семеро спутников лейтенанта?

– От моря – если назвать причину одним словом. От целого ряда наложившихся неблагоприятных факторов, воздействующих на жертвы кораблекрушений: холод, обезвоживание, голод, длительный стресс... Что тоже весьма странно, никак они не могли слишком долго болтаться на волнах в районе с весьма оживленным судоходством.

– Трупы американцы забрали с собой?

– Нет, их кремировали пять дней назад. Сразу после того, как начали проявлять активность штатовцы. Кстати, есть еще один интересный момент: американская форма Харпера – не совсем американская...

И Диана рассказала о наблюдениях и выводах юного любителя военной атрибутики.

Некоторое время Лесник задумчиво молчал. Наконец нагнулся, поднял сумку Дианы, закинул ее на плечо и направился к лифту.

– А сейчас нам надо... – начал было он, войдя в кабину.

– Тебе надо, Лесник, – перебила Диана. – Тебе. А мне надо позавтракать, принять душ и отоспаться. Забыл, что я всю ночь следила за чертовым складом Азиди?

– Ладно, езжай в гостиницу. Там на первом этаже есть неплохой рыбный ресторанчик, можешь заказать завтрак в номер. А я прокачусь в Оденсе, в гости к нашему аристократу.

Попробую раздобыть еще немного информации... И если дом Вальевски соответствует своему хозяину – то ты много потеряла, отказавшись составить мне компанию.

– Не проще ли для получения информации связаться с ним по электронной почте?

– Увы, старик не пользуется компьютерами. Принципиально. Как он сам выразился: «я привык получать информацию от живых людей; или от мертвых – через страницы старых книг». И мобильник с собой не носит. Единственная его уступка техническому прогрессу – радиотелефон в автомобиле. Обитает совсем в другом мире, понимаешь? Где нет юзеров и спамеров, флэш-мобов и он-лайн, аккаунтов и... Ого...

Лифт спустился на первый этаж (именуемый, впрочем, датчанами этажом «А»), двери разъехались, – и Лесник сдержал изумленное восклицание, готовое сорваться с уст. И сделал вид, что первый раз видит человека, готового войти в кабину, – господина Теодора Вальевски собственной персоной. Легко на помине...

Аристократ с учтивым полупоклоном посторонился, давая пройти Диане, скользнул равнодушным, не узнающим взглядом по лицу Лесника. В одиночестве вошел в лифт, двери закрылись. В окошечке замелькали цифры – и остановились на пятерке.

Па-а-анятно... До Вальевски тоже дошла весть о находке траулера «Лизетт» и загадочном пациенте госпиталя. Вопрос в другом: старик отправился сюда, выполняя поручение Юзефа, решившего, что два источника информации лучше, чем один? Или визит связан с собственными изысканиями господина Теодора, касающимися кораблей-призраков? В любом случае, раз старик так конспирируется – афишировать знакомство не стоит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.